

ЛОВУШКИ МЕГАПОЛИСА / ГОРОДСКОЙ ДЕТЕКТИВ

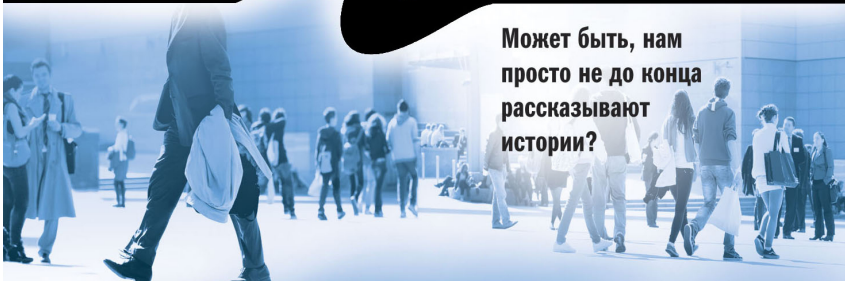

Телохранилитель для души

РИНА

ОСИНКИНА

Может быть, нам
просто не до конца
рассказывают
истории?

Рина Осинкина
Телохранитель для души
Серия «Ловушки мегаполиса.
Городской детектив»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63401330
Телохранитель для души: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-116032-6

Аннотация

Виктории не везет с самого начала – ее попытка построить карьеру личного телохранителя заканчивается провалом. Видный чиновник Замятин, ее первый клиент, убит выстрелом в грудь, причем в закрытом и наглухо зашторенном кабинете. Следующий ее клиент, муж бывшей одноклассницы Герман Галактионов, только чудом остается жив. Причем действует, судя по почерку, тот же самый киллер, который уже «срисовал» симпатичную телохранительницу Вику и шантажирует ее жизнью и смертью близких людей...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

116

Рина Осинкина

Телохранитель для души

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Осинкина Р., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

* * *

Она сидела на приземистой хайтековской скамейке возле раздувшегося от чувства собственной элитности подъезда, расслабленно выпрямив правую ногу, а левую согнув в колене.

Согласно циферблату часов, стоял ранний вечер, июльский, пыльный, московский, однако солнце, одиноко торчащее в синем безоблачном небе, лупило с таким неистовым жаром, будто был еще полдень.

Время от времени девушка подносила к губам бутылку с водой, делала пару-тройку глотков и, закрутив неспешно крышку, возвращала бутылку в боковой карман рюкзака.

Она сидела и флегматично рассматривала рваный пунктир свежих черно-глянцевых пятен, оставленных чьими-то пальцами на пыльном боку хозяйского «лексуса». Пунктир брал начало с нижней трети водительской двери, а исчезал у заляпанного сухой грязью порожка. Как будто кто-то, заглядывая под днище, неловко мазнул по кузову рукой, стараясь сохранить равновесие.

Шустрые ребята, кто бы они ни были. И получаса не прошло, как «лексус» припарковался у подъезда. Не сполоснул после обеда Василек тачку боссу, и молодец. Если бы сполоснул, кранты бы боссу настали, это точно. Правда, еще не поздно.

Она хмыкнула.

Скоро хоть этот мерин спустится к машине? Возвращаться в апартаменты, откуда ее только что с позором выдворили, не хотелось совершенно.

Проблема в том, что готовить она не умеет. То есть не ее это конек. Еще, может, яишенку, ну, с помидорами, а вот чтобы плов узбекский...

– Как, ты сказала, вот это все называется? – задал вопрос «мерин», с пристальным театральным вниманием вглядываясь в содержимое тарелки.

– Плов, – сдержанно ответила Виктория.

– А! Значит, плов!.. Прикольно. А вот это что в нем? Вот эти вкрапления?

– Кишмиш. А, нет, это не кишмиш, это барбарис. Ягоды.

– Угу. Барбарис, значит. А вот эта дрисня, дай угадаю, – мясо?

Вообще-то она появилась на кухне, чтобы доложить, что домой идет. Закончен рабочий день, пора. Пыль с поверхностей протерла, паласы пропылесосила, рубахи нагладила. Плов вот приготовила. И красиво накрыла стол.

Дернул ее леший изыски готовить. Главное, понятно же было сразу, что загубила блюдо. Лучше бы с собой унесла в двух бутербродных пакетах. Они бы с Танзилёй, кваском прихлебывая, это недоразумение умяли, не придираясь к нюансам. А работодателю картошечки бы сварила, картошечку трудно испортить. Только не по статусу этому кабану вареной картошкой ужинать. Ему по статусу профитроли с севрюгой и паштет из дичи с трюфелями.

– Значит, так, уважаемая, – повысил голос «мерин», и его короткопалая пятерня с глухим стуком впечаталась в полировку дубовой столешницы. – Испытательный срок ты не прошла. Сечешь фишку? Или поподробнее?

– Секу, – угрюмо ответила Вика. – Давайте тогда расчет.

Уборку я делала, гладила на вас, стирала. За продукты можете вычесть, если считаете, что я их испортила. С вас три тысячи получается.

– Чего?! – вспучился в натуральном изумлении «мерин». – Давай проваливай! Спасибо скажи, что по шее не навалял за сервис твой фигов. Я не лох, чтобы деньги даром платить, поняла, кура безрукая?

Он хотел добавить что-то еще, но в это время заголосил его мобильный, и «мерин» отвлекся.

Вика не стала ждать продолжения. Переобуваясь в прихожей из тапочек в кеды, она слышала, как наниматель орет, что вокруг одни бездельники и дебилы и все приходится делать самому. И что он сейчас приедет и уроет.

Вика поспешно выскользнула за дверь. Еще не хватало с этим хамом ехать в одном лифте.

Миновав блестящий чистотой холл первого этажа и кивнув на прощание консьержке, она остановилась на выходе из подъезда, изучая открывшееся пространство.

Ближущие стекла домов напротив. Мапочки с колясками и шустрой малышкой. Старушки на лавочках и один среди них старичок. Несколько иномарок, выстроившихся в ряд на стоянке. Хозяйский автомобиль, обособленно припаркованный впритирочку к газону.

Как-то рефлексивно у нее это вышло – осмотр позиции. Непроизвольно и естественно.

Поймав себя за этим занятием, Вика невесело усмехну-

лась. Встряхнула головой, отгоняя навек, въевшийся, казалось, в саму ее кожу. Повернулась в сторону метро.

Однако нечто ее таки зацепило. Неправильным и угрожающим показалось ей нечто в произвольно зафиксированной сознанием картинке. И Вика осмотрелась вновь, теперь уже настороженно, неспешно и более предметно.

А дело было в хозяйской тачке. Блин. Просто так уйти она не смогла.

Удержавшись от порыва приблизиться к джипу, присесть возле колеса и сунуть нос под днище, чтобы подтвердить предположение либо его отместить, а отметя, спокойно отправиться восвояси, Вика замерла на месте, собираясь с мыслями.

Если к внедорожнику налипло то, о чем она думает, устройство не обязательно сработает при повороте ключа зажигания. Бывает и по-другому, ей известно.

Жаль, что она не на шпильках. Были бы на ней высоченные шпильки, падение вблизи автомобиля, за которым, возможно, присматривают вон из того дома или вон из того, выглядело бы правдоподобнее.

Придется изображать, что она запуталась в шнурках. И сделать это нужно с предельной достоверностью.

Если предполагаемый диспетчер с пультом в холодно-потных руках заподозрит, что девица грохнулась оземь не просто так, а с целью ознакомиться с лишним предметом, вдруг появившимся над левой передней подвеской вверенного ему

шарабана, нервишки киллера могут не выдержать и он надавит на клавишу. Или что там у него тумблер?

Но бывшего нанимателя Виктория, безусловно, спасет. Она состроила гримаску.

Шлепнулась об асфальт она вполне естественно. Рюкзак с плеча соскользнул, из него просыпалась мелочовка.

Со страдальческим видом Вика принялась растирать лодыжку. Теперь главное, чтобы среди редких прохожих не нашелся благородный дон, который своей неуместной отзывчивостью может испортить затею.

Благородный дон, к счастью, не нашелся и продолжить отвлекающий прием не помешал.

Устроившись на корточках в тени внедорожника, Виктория принялась неторопливо складывать обратно раскатившееся в разные стороны имущество: расческу, авторучку, зеркальце в футляре...

Стараясь не задеть кузов, мало ли, может, эта дрянь от касания сработает, Вика просунула под днище зеркальце. Затем не спеша поднялась во весь рост, так же неспешно отряхнула джинсы. Ухватила рюкзак за лямку, вернулась к подъезду.

И уселась на скамейку ждать.

Наконец с прижатым к уху телефоном на улицу выкатился «мерин».

Выдав заключительную порцию обещаний в адрес козлов и уродов, задержался под козырьком, чтобы сунуть в карман

дымящийся мобильник. Полез в другой карман за ключами от машины. Уволенную прислугу не заметил. Ничего удивительного.

Интересно, вызов по неотложным делам теми же парнями инициирован или просто так совпало? И водителя сегодня отчего-то нет. Отпросился Василек, что ли? Как-то вовремя отпросился.

Когда разлаписто, но энергично бывший работодатель проследовал мимо, Вика сухо произнесла ему в спину:

– Господин Мартынов. Я бы на вашем месте так не спешила.

Тот обернулся, взглянул, узнал, раздраженно рявкнул:

– Чего надо?

Виктория встала и, поддев со скамейки рюкзак, ответила невозмутимо:

– Мне – ничего. А вам советую полицию вызвать. Или МЧС. А лучше и тех и других.

Мартынов вдруг развеселился:

– Угрожаешь?

– Под днище загляните. Только осторожно, – посоветовала Вика и попыталась уйти.

Он не дал ей сделать и шагу. Дернул больно за локоть, заставив остановиться:

– А погоди-ка. Чего тебе известно?

Виктория саданула его по руке и проговорила спокойно:

– Разуй глаза, дядя. Тогда тебе тоже станет известно.

И кивком обозначила, куда ему надо, разув глаза, посмотреть.

Уйти она смогла лишь после того, как с нее сняли показания приехавшие на вызов опера.

– Эй! Как тебя... Демидова! – нагнал ее у светофора «мерин». – Я тебя нанимаю.

– Вы меня уволили, – надменно вздернув бровь, напомнила ему Виктория.

– Не включай дуру. Я же вижу, кто ты. Будешь у меня телохранителем.

– Не буду, – ответила она и отвернулась.

– Да брось ты злиться, Демидова, – не унимался «мерин», примирительно хлопнув девушку по плечу. – Кулинаришь ты реально отвратно. Даже моя бывшая тебе фору даст. А за рубашки и прочее, вот, держи, сколько ты мне там насчитала.

И полез в карман за бумажником.

Вика подождала, когда тот выудит три банкноты, и, помедлив, деньги приняла.

Приободренный Мартынов продолжил:

– Короче, Демидова. Баблом не обижу. Профессионалов ценю, будь спокойна. И за сегодняшний случай отблагодарю однозначно. Тачку хочешь? Завтра сама выберешь. «Феррари» не обещаю, но на «корейнку» рассчитывай железно. Короче, завтра к девяти я тебя жду на этаже.

Вика ответила невозмутимо:

– Зачем мне тачка? У меня скутер есть.

И ступила на «зебру». Как раз зажегся зеленый. А потом обернулась и добавила:

– И я не профессионал. Вы ошиблись.

– Ты же спец! Как ты такое допустила! – надрывался начальник службы безопасности с багровым от показушной ярости лицом.

Кажется, он готов был Вику ударить. Надрывался не просто так, а на публику. Решил сразу же расставить акценты, умняга.

Только вот аргументов, чтобы обвинить ее в профессиональной погрешности, у него никаких не имелось. Портьеры были наглухо задернуты. Денно и ночью. По ее настоянию, кстати. Это были отличные портьеры из плотного темно-вишневого бархата, мягкими складками струящиеся от дубового карниза под потолком до паркетного пола, устланного традиционными, красным с синим орнаментом, ковровыми дорожками. Однако такая предосторожность не спасла подопечного – снайпер угодил ему точнехонько в сердце.

В качестве телохранителя Виктория проработала здесь всего неделю, а рекрутировал ее вон тот славный дядечка, чье тело медленно, но неизбежно остывает сейчас в кресле с высокой спинкой, придвинутом к монументальному письменному столу.

Покойный – крепкий, хотя и несколько грузный пожилой мужик, – занимал, пока был жив, должность руководи-

теля столичного департамента строительства и землепользования, и звали его Замятин Павел Сергеевич.

При первом их знакомстве Виктория поинтересовалась, зачем господину Замятину понадобилась личная охрана, если в структуре министерства имеется собственная служба безопасности. Не хотелось думать, что берут ее на работу исключительно из-за того, что Жанночка попросила. Хотелось думать, что Виктория Демидова сама по себе ценный специалист, а ситуация у клиента настолько серьезна, что он приложил старания, чтобы разыскать проверенного профессионала, обратившись за информацией к людям своего круга.

И она спросила:

– Вы чего-то опасаетесь, Павел Сергеевич?

Замятин ответил, что должность у него такая, приходится всяко-разного опасаться. И хоть штат охранников при департаменте действительно наличествует, однако его сотрудникам в обязанности не вменено сопровождать чиновника во внерабочее время.

Ну а теперь, когда Замятин прибег к защите персонального телохранителя в Викином лице, он будет чувствовать себя в полнейшей безопасности, как за танковой броней. Любил пошутить старик.

Вечером того кошмарного дня Танзиля ее коньячком отпаивала. Лучше бы и не пили вовсе. Вспомнили Лидушку покойную, которая тоже от стрессов коньячок предпочитала – нечасто и понемногу, однако не брезговала. Лидия Пет-

ровна Авдотьева более двадцати лет директорствовала в их интернате. Она очень хорошим директором была и очень хорошим человеком. Потому и убили¹.

Слово за слово... Разревелись обе, что старый, что малый. Хотя Танзиля Усмановна не старуха вовсе, ей и шестидесяти нет. До сих пор в интернате работает замом по хозяйству.

Виктория в том детском доме с пяти лет воспитывалась. До полных пятнадцати, пока ее не удочерили.

Какое это счастье небывалое, может лишь детдомовец понять. Особенно если учесть, что шансы обрести родителей, когда ты вошел в подростковый возраст, тают с каждым месяцем.

Тетю Катю она очень любила. Вернее, любит. Жаль, что так вышло. Не следовало Вике иллюзии строить, вот и все. Чем качественнее построенная иллюзия, тем больнее ее ампутировать.

Дело в том, что семья решила от нее избавиться. Не сразу, зато изящно.

Вика училась в втором курсе юрфака, когда мама Катя родила двойню, Кирюху и Илюху. Виктория честно старалась гнать от себя ревность и панику. И настойчиво верила, что приемные родители продолжают считать ее родной дочерью, так же как и она искренне считает их мамой и отцом.

Она заставила себя принять за данность этих мамы-Катиных детей. Она смогла их полюбить и уже почти не ревновала.

¹ Читайте об этом в романе Рины Осинкиной «Убить админа».

ла. Но судьба продолжила раскачивать кораблик ее счастья, хотя поначалу визиты Валика к ним в дом проблем не предвещали, а тем более не предвещали беды.

Валентин Попов посещал Демидовых не в одиночку, а в составе семейного клана. Его папаша был владельцем небольшого, но надежного коммерческого банка, и приятельские отношения Попова-старшего с предпринимателем Демидовым подкреплялись взаимным корыстным интересом. Точнее выразиться – корыстный интерес подкреплялся раутами и пикниками с барбекю.

Отношение к Попову-младшему у Виктории сложилось неоднозначное.

Валентин был умен и на редкость эрудирован, а в его манерах проскальзывал волнующий шарм странно-зажатого обаяния. Но скоро выяснилось, что за Валиком вьется шлейф невнятных слушков и пересудов, что само по себе Вику не удивило, но заставило свести общение с банкирским сыном к возможному минимуму – из соображений брезгливой чистоплотности.

Тем более что он был химик, а она с некоторых пор не любила химиков.

Во-вторых, он был биолог, а значит, мучил морских свинок и белых мышей. И хоть он не выглядел как ученый-маньяк из средней паршивости голливудского ужастика, подозрения, что Валик таки маньяк, косвенно подтверждались. Он был сыном финансиста, однако его потянуло на лабора-

торные склянки и мизерные дивиденды. Надо полагать, что оборудование ему все-таки папочка ко дню рождения прикупил, а вот на персонал и реактивы деньги выделял едва ли.

Но вся эта чужая жизнь Вику не должна была задевать и, в принципе, больше не задевала. До тех пор, пока Демидов, собрав семейство в библиотеке, не объявил торжественно, что они с Поповым-старшим генерировали идею женить на ней этого заикающегося биохимика. А мама Катя с радостной улыбкой прибавила, что сие есть прекрасная для Виктории партия, так как молодой человек интеллигентен и из хорошей семьи.

Никто, конечно, Вику не принуждает и не торопит, у нее будет возможность к жениху присмотреться, и лишь по прошествии времени последует официальное сообщение об их помолвке.

Вика подумала, что отец так шутит. Или что она неправильно поняла маму. Недослышала, не разобрала, перепутала. Переспросила даже. Потом молча поднялась в свою комнату, взгромоздила на голову наушники, включила тяжелый рок.

Грохочущие звуки не смогли прогнать боль, раздиравшую душу. От ее острых клыков негде было спрятаться, нечем заслониться.

Лишняя. Для них чужая. Для тех, кто ей так дорог, так по-детски дорог и необходим, к кому прикипела душа – чужая. Кому доверяла и доверилась. У них теперь свои дети. Целых

двое. А девочка из приюта – лишняя.

Боль, заполнившая Викино сердце, добралась до самых сокровенных его уголков, отыскав для себя обильную пищу. Желчную ревность к Демидову, подлюю – к близнецам. Подозрение, что мама Катя сто раз пожалела, ее удочерив. Шрам от раны, оставленной другом Генкой. Генкой Неботаником, потому что химиком, с которым они весь интернат продружили и который недавно сконфуженно заявил, что собрался жениться, а Вика даже не стала спрашивать на ком.

Чужие вины, незалеченные раны и горькая от них несчастьность, слившись бурным потоком с новой напастью – яростной, оглушительной, сносящей разум болью, подсказали Виктории решение.

Единственно возможное и единственно верное – она ушла из приемной семьи. Напихала в баул каких-то шмоток, кинула на тумбочку ключи от машины и уехала на пригородной электричке в Фаддеевку к Танзиле Асадуллиной.

Танзиля Усмановна удивилась, увидев ее на пороге, но куда еще Вика могла податься? На вокзал в зал ожидания?

В зале ожидания можно отсиживаться, предполагая нервы предкам помотать и через денек вернуться.

Вика не собиралась возвращаться. Найдет работу, будет квартиру снимать. В нахлебниках ни у кого она оставаться не собиралась. Вуз, конечно, придется бросить, да и фиг с ним, с высшим образованием. Она веру в людей потеряла. По сравнению с этим брошенный после четвертого курса

универ – полная лажа.

Танзиля вроде бы даже ей обрадовалась.

Выслушала молча Викину историю, желчно хмыкнула, и было непонятно, что это хмыканье конкретно означает, а потом поселила в просторной гостиной, куда выходила дверь хозяйкиной спальни и начиналась скрипучая лестница на второй этаж.

– Мать знает, где ты? – лишь спросила она.

– Она мне не мать, – ответила сдержанно Вика.

– Дуры обе, – подвела итог Усмановна и больше вопросов не задавала.

Сначала мама Катя ей звонила, но Вика трубку не брала.

О чем им говорить? Все уже сказано.

Звонки прекратились. Несколько раз к ней пытались пробиться мамины подружки – Надежда Михайловна, Алина, Валерия Львовна, но с тем же результатом.

Вика не особенно опасалась двух последних, а вот тетя Надя могла легко унюхать, что Викин поступок содержит в подоплеках добавочный мотив и он не менее серьезен, чем гремучая смесь из гордости, ревности и обиды. Однако, если таковой мотив и имелся, обсуждать свои внутренние проблемы Виктория ни с кем не собиралась и на тети-Надин нажим могла ответить грубостью, чего не хотелось совершенно.

Потом позвонил Игнат Пантелеев.

Игнат, как и старшие представители семьи Демидовых, состоял членом военно-спортивного клуба «Землянка», где

в оборудованном под тир подвале можно было вволю пострелять из ставшего культовым оружия по черно-белым бумажным мишеням, а отстрелявшись, устроиться за столиком в тамошнем безалкогольном баре, чтобы пообщаться с единомышленниками – такими же фанатами «винчестеров», «браунингов», «смит-вессонов» и «наганов».

Про Пантелеева в клубе мало что было известно. Поговаривали, что служит он в какой-то хитрой конторе, чья деятельность связана с антитеррором. Не влезая в подробности Игнатовой карьеры, ушлые завсегда и насели на него и убедили провести несколько уроков по выживанию в условиях городских реалий.

Тот не стал упираться и желающих поднатаскал, однако натаскивал несколько специфически и, так сказать, с оборотной стороны. Хотя контингенту, безусловно, было интересно узнать, как выбирают позицию для снайперской стрельбы и какими способами минируют автомашины.

Кроме теоретических занятий были и практические – километровые пробежки с утяжеленными рюкзаками, подтягивания на турнике, приседания со штангой.

С теми, кто не отсеялся в процессе физкультурных экзекуций, Игнат отработал несколько приемов самообороны, весьма эффективных.

Вика показала неплохие результаты, чем заслужила его особое отношение. Оно выразилось тоже специфически: Пантелеев гонял ее больше других и в более широком диа-

пазоне.

– Вика, здравствуй, – прогудел Игнат в трубку. – Ты в клубе давно не была. Или у тебя еще сессия?

– Здравствуйте, Игнат, – ответила Вика стесненно. – Да как-то все не получается...

Он был почти ровесник Демидову, и ей трудно было называть его на «ты», хотя Пантелеев и предлагал.

– А... Теперь я тоже редко буду там бывать. Меня уговорили дать спецкурс для телохранителей. Знакомый один раскручивает школу, вот, попросил помочь. До конца августа у него завязну. Ну, ничего, осенью встретимся в «Землянке» по-любому.

Потом они еще поговорили о чем-то маловажном. Затем, взаимно пообещав созваниваться, разъединились. А Вика задумалась.

Ей ведь нужно где-то работать, верно? Так вот, она пойдет в телохранители. Игнат как-то говорил, что для этого следует получить лицензию, окончив курсы. Она окончит. И получит. На банковской карточке у нее имеется некоторая сумма. Виктория планировала на эти деньги жить, пока не подберет подходящую вакансию, но теперь решила заплатить ими за обучение.

Ну, в самом деле, когда и какую еще работу она сможет найти, имея незаконченное высшее юридическое? Помощником нотариуса? Такие должности передаются по наследству. Тогда кем? Курьером в юрфирму? Барышней на обзво-

не? Нет, это душу не греет. А телохранителем попробовать можно. Сейчас девушки-телохранители не редкость. К тому же Игнат не раз говорил, что у Вики хорошие задатки.

Пошарив по Интернету, она нашла подходящую школу и приступила к обучению.

Танзиля Усмановна отнеслась к начинанию скептически, но отговаривать не стала, резонно полагая, что сие бесполезно. А вскоре Виктории позвонила хозяйка фитнес-центра Жанна Альбертовна Бессмертнова и предложила работу, сообщив в качестве комментария, что обратиться к Вике ей посоветовали в администрации курсов.

Виктории показалось странным, что Жанночка не прибегла к услугам бюро по найму, где ей предоставили бы на выбор стопку резюме опытных спецов. Хотя, может, и ничего странного. Возможно, мадам не желает раскошелиться, оплачивая труд квалифицированных бодигардов, ну что ж, это ее право. И Вика решила приостановить учебу и принять предложение бизнес-леди. Это будет неплохой практикой, да и деньги не помешают.

Перечень служебных обязанностей, который озвучила клиентка, был на удивление кратким и состоял из одной позиции: Виктории следовало изредка под видом секретарши ездить с Бессмертновой на деловые встречи. Ни о каком каждодневном сопровождении из дома в офис и обратно речи не шло, ни о каком ежеминутном присутствии Виктории возле подопечной тоже.

Возникал вопрос: зачем тогда Бессмертнойой телохранитель? Для большей статусности? Но в этом случае разве она стала бы выдавать Вику за секретаршу?

Вика не утерпела и спросила.

Оказалось, все дело в конспирации. Вика, естественно, задала следующий вопрос: к чему конспирация? Если только Жанна Альбертовна не собирается ловить киллера на живца, выставив в качестве приманки себя, любимую.

На что Жанночка в шутовском испуге замахала руками, пояснив, что о киллере речи быть не может, а только лишь о кознях конкурентов, которые, как она подозревает, устроили за ней тотальную слежку.

Своим ответом она запутала Викторию окончательно. Не лучше ли будет, в таком случае, издали понаблюдать за ситуацией и выяснить, кто именно за ней следит?

На что Бессмертная раздраженным тоном предложила Виктории просто выполнять то, ради чего ее нанимают, и разговор прекратила.

Абсурдность миссии не давала Вике покоя, и она на свой страх и риск решилась на операцию по выявлению скрытых соглядатаев.

Воспользовавшись простейшими средствами камуфляжа в виде бейсболки, яркой помады и темных очков, она села подопечной на хвост. А потом предъявила ей фотографии, хорошо понимая, что хозяйке может не понравиться нескромное своеволие персонала.

Фотоотчет Жанночку позабавил. Мельком бросив взгляд на снимки, где был запечатлен не по возрасту джинсовый дядечка, тощий и с американской бородкой, она с легким смешком сообщила, что данный персонаж – бывший ее любовник, который никак не желает смириться с вновь обретенным статусом. И добавила, сменив ироничный тон на ледяной:

– Еще одна такая выходка... Ну, ты меня поняла.

Тогда Вика показала другую серию снимков и с удовольствием понаблюдала метаморфозу, происшедшую с физиономией бизнес-леди. Язвительная самоуверенность улетучилась, уступив место недоумению, растерянности, беспокойству и, наконец, испугу.

Виду же от триумфа отделяло не более пяти минут.

От триумфа, н-да... Полно, Вика, ты бредишь. Не случись этот твой так называемый триумф, не произошло бы в дальнейшем и провала. Как знать, может, славный старик Замятин остался бы жив, если бы нанял кого-нибудь пограмотнее самонадеянной недоучки Демидовой. А сегодня тебя еще и из кухарок выперли с позором. Из кухарок! Никчемное, ни на что не годное создание, а вовсе ты не триумфатор.

Вот сейчас начнет тебе Танзиля задавать вопросы, а ты не смей глаза прятать, слышишь? И не смей оправдываться. Так ей и скажи:

– Танзиля Усмановна, я никчемное, ни на что не годное создание.

И это будет правда.

Танзиля Усмановна Асадуллина была владелицей участка деревенской земли в десять соток с бревенчатым домом на нем, в коем и проживала. Дом был по-крестьянски справный и основательный: с высоким крыльцом, резными балясинами перил, фигурными столбами, поддерживающими навес над верандой, и непременно мансардой.

Жилище Танзиля Усмановна держала в безупречном состоянии, не позволяя себе безмятежно созерцать крапы ржавчины, разбегающиеся по кровле, или лохмотья масляной краски на дощатой обшивке наружных стен. Меры по устранению беспорядка неукоснительно принимались, сил и средств на это хозяйка не жалела, дом блюла и лелеяла, не желая доживать «старой развалиной в старой развалюхе» – цитата.

Двухметровый забор вокруг усадьбы тоже вызывал уважение, но для Виктории великим препятствием не являлся, в отличие от калитки, которую Танзиля предпочитала держать запертой изнутри на засов. А Вика предпочитала лишний раз не утруждать хозяйку звонками в эту калитку. И хоть ключи от всех дверей Усмановна ей предоставила, реальный толк от них был только тогда, когда хозяйка отлучалась с территории, вывесив снаружи амбарный замок.

В настоящий момент замка в чугунных проушинах не было. Выходит, Танзиля дома.

Вика пожалала плечами и привычно вскарабкалась на забор. Сегодня утруждать Усмановну ей не хотелось совершенно.

– Что-то ты нынче припозднилась, – сварливо проговорила Танзиля, выглядывая из кухни на звук открывшейся двери. – Надеюсь, оно того стоит.

Идею подрядиться экономкой подала Вике именно она, когда выяснилось, что подключиться к занятиям в школе Виктория не сможет, безнадежно отстав от программы. Да и не хотелось ей возвращаться в группу, если по-честному. Пока не хотелось.

Похоже, про экономку Усмановна шутила. Но хотя у Вики тоже есть чувство юмора, данную шутку она восприняла всерьез. Более того, ее внутреннее самобичевание требовало внешних форм, а мытье унитазов в чужом доме – вполне подходящее для этой цели дело.

– Выгнал? – обвиняющим тоном осведомилась Танзиля, разглядывая Викин затылок, покуда та расшнуровывала кеды, усевшись на галошницу в крошечном предбаннике.

Усмановна всегда отличалась проницательностью.

Вика неохотно кивнула.

– Не переживай. Дурацкая затея. Какая из тебя экономка? А ты закусила удила. Обиделась, что ли? Подумала, что куском попрекаю? Успокойся. Я политесу не обучена, уж если чего решу сказать, выложу прямо, у меня не заржавеет.

Вика сопнула носом, не поднимая головы от шнурков.

– Ты рыдать собралась, или мне показалось? – ворчливо

поинтересовалась хозяйка. – Иди ужинать, горе мое. Только разогрей сперва, а то, небось, все остыло.

Следующий день Виктория предавалась хандре, валяясь на диване в гостиной. К борщу, приготовленному Усмановой, прикоснуться было стыдно, как и к тушеным кабачкам. Попила чайку с баранками и все. Она упорно морила себя голодом, хотя понимала, что лучше бы, наевшись досыта, заняться поисками работы.

Работы... Какой работы, ты, неудачница?! Инвалидка. С чего ты решила, что из тебя может получиться что-то путное?.. Телохранильница, блин. С дополнительной опцией домработницы. Понтов тебе захотелось, вот чего. Всем нос утереть, а кому – всем? Тете Кате? Вернее, маме? Или ее Демидову? Вернее, отцу.

Ей вспомнился последний разговор с Катериной.

Виктория выплевывала слова, как будто метала твердо-острые ледяные дротики, не разбирая, куда попадет. На мать она не смотрела, потому что не хотела смотреть. А потом, уже от двери, как-то так вышло, что взглянула.

Вновь навалилась тяжесть. Ей вдруг остро захотелось ткнуться носом в подмышку извергу своей души и, прерывисто вздыхая, пожаловаться на напасти и на саму себя, и почувствовать, как он гладит ее по затылку, легонько касаясь волос, и услышать, как шепчет успокаивающе, что все будет хорошо, потому что она ни в чем, совсем ни в чем не виновата, и потому что он рядом и не даст ее в обиду. Никому –

ни людям, ни обстоятельствам.

Внезапное это желание было настолько опасно-требовательным и столь же опасно-незаконным, что Вика ошалело вскочила, чтобы в метаниях среди вещей чужого быта и уюта развеять подлую ересь, навестившую голову.

Позвонил бы, что ли, кто-нибудь. Вот хоть бы тетя Надя Лапина.

Сегодня Вика, возможно, с ней бы и поговорила.

Но тетя Надя не позвонила. Зато совершенно неожиданно о себе напомнила Клинкина Светка, или Светик. Только теперь она больше вовсе не Клинкина. Наша Светик теперь замужняя дама.

Когда Вика перебралась жить к приемным родителям, школу менять не стала, предпочтя тратить на поездки в оба конца по три часа и более. Поэтому Клинкину она знала давно, с первого класса, а с девятого они вообще делили одну парту. Подругами не были, но жизнь заставила их ладить. В их школе было строго с внутренним распорядком, никакой анархии. Кто с кем будет соседствовать, назначал классный руководитель, а на схематическом плане классной комнаты, вывешенном на стене, столы были помечены поименно, и все метания учеников с места на место тут же пресекались. Администрацию понять можно: среди учащихся имелись дети из интерната, а это особый контингент.

В учебе Светик прилежанием не блистала, способностями тоже, в отличие от Вики, которая частенько давала ей спи-

сывать задания, – отчасти по широте души, отчасти из тщеславия.

В благодарность соседка по парте угощала ее крохотными пирожками домашней выпечки и вкусноты необычайной и сливала чужие секреты чисто для того, чтобы Виктория не погрязла в невежестве.

После окончания одиннадцатого класса Светик иногда ей позванивала, а потом как-то вдруг резко перестала.

Узнав от общих знакомых, что Клинкина вышла замуж, Виктория с пониманием отнеслась к ее решению оборвать прежние контакты.

Как сказала тетя Надя, способ деревенский, зато работает без осечек. Незачем свежеиспеченному супругу знать о дозамужних привычках любимой, с перечнем коих его непременно и обязательно ознакомят завистливые ее товарки.

Тетя Надя даже посоветовала Вике взять данный прием на вооружение, когда та соберется замуж. Видимо, она Вику так утешала. Зачем? Виктория ничуть не была задета подобным поворотом событий, поскольку на высокое звание Светкиной подруги не претендовала, да и, сказать по правде, особых кайфов от общения с Клинкиной не испытывала. И тут звонок.

Светик по-прежнему была бурно-сентиментальна. Сыпала восклицаниями, называя Вику Викуличкой, сетовала, что они давно не виделись и даже не перезванивались. Доложила, что они с мужем недавно въехали в новый особняк, и

обещала непременно позвать на барбекю. Как-нибудь. Но не сейчас, поскольку сейчас Светке нужна особая секретность. Посему она сама хочет напроситься в гости, так как разговор не телефонный и сугубо важный.

Заинтригованная Вика не устояла и продиктовала, куда ехать.

Встреча произошла на следующий же день.

Светка с шиком подкатила на черном «опеле», оказавшемся наемным экипажем.

Расплатившись с водителем, она направилась к поджидающей у калитки Виктории, осторожно ступая босоножками на десятисантиметровой шпильке по скрипучим доскам настила, заменяющего здесь тротуар.

– Вау! – выкрикнула она восторженно. – Викуся, ты волосы перекрасила! Классно, нет, правда! Я представить себе не могла, что «пепельный жемчуг» тебе так подойдет.

Вика кисло улыбнулась. Нужно, конечно, это безобразие исправить и вернуть волосам нормальный цвет. Завтра же. Или даже сегодня. Хотя сегодня не получится, краски нет. Значит, завтра. Купить что-нибудь умеренно-русое и перекраситься наконец.

Светка, мельком удивившись, что Виктория предпочла для летнего отдыха деревенскую глушь, а не модный курорт, принялась расхваливать все, что на той было надето: выдавший виды черный топ, шорты, полученные из старых джинсов путем отрезания штанин, и синие пластиковые шлепки.

Шлепки, правда, были новые, а значит, вполне заслуживали похвалы.

Сама Клинкина была хороша. Сияющая лавина пшеничных волос прямыми прядями струилась по лопаткам. Костюм белого шелка, состоящий из юбочки выше колена и жакетика выше пупка, сидел на ее фигуре как влитой. Между пояском юбки и нижней кромкой жакета яростно и нагло блистал в пирсинге фианит. Или это был на самом деле бриллиант?

Вика тоже похвалила внешний вид бывшей одноклассницы. Не находя для себя ответа, зачем она, идиотка, согласилась на эту встречу, повела визитершу в беседку за дом. А почему нет? Погода позволяет. Да и сидеть в увитой диким виноградом беседке, сказать по правде, приятно.

Когда приятельницы устроились за дощатым столом, покрытым клеенчатой скатертью в маленький голубой цветочек, Вика выжидательно посмотрела на гостью.

Та ответила ей безмятежным взглядом и мило улыбнулась. Повертела головой, обозревая окружающую обстановку. Произнесла одобрительно:

– Классно тут у вас... Может, кофейку дернем?

До Вики начало доходить.

Клинкина элементарно мается бездельем, а сюда приехала, чтобы показать красавицу себя, обсудить последние тусовочные сплетни и повыхвалиться бизнесменом-мужем, замаскировав бахвальство жалобами на то, как тот мало посвя-

щает Светику времени по причине полного отсутствия свободного, как такового, зато одаривает ее шубами и бриллиантами в качестве компенсации. И шуб этих девать ей просто уже некуда. Как-то так примерно.

Викино предположение, по-видимому, начало оправдываться. Клинка принялась восторженно вываливать, в какой чудный спа-салон она недавно приобрела абонемент и какие «львицы» его посещают. Бурно требовала сочувствия по поводу невезения с инструкторами по вождению, из-за чего ее новенькая «Ауди» вновь стоит в автосервисе. И еще о раннем целлюлите и проблеме вставания одиночных волосков после эпиляции. Про заявленный кофе она начисто позабыла.

Слушая краем уха Светкину болтовню, Вика взвешивала шансы избавиться от гостыи в течение ближайшей четверти часа. Шансов было плачевно мало. Хотя, если все-таки не предлагать кофе...

Тут в потоке Светиковых слов мелькнула знакомая фамилия, и это было настолько неожиданно, что Вика насторожилась.

Ну, и при чем тут Бессмертнова Жанна?

– Я решила немного подкачать ягодицы, ну, ты понимаешь, это же важно, чтобы тело не было дряблым, как у старухи... И мне посоветовали один фитнес-центр, «Ясмина» называется. Кстати, очень приличный и недалеко от нашего дома. Ну, если на авто, естественно... И что я там узнаю? –

торжествующе спросила она.

– Да, что ты там узнаёшь? Что твои ягодицы безнадежны и им требуются импланты?

– Фу, дурочка... – обиделась Светик. – Мои ягодицы что надо, можешь потрогать. Я там узнаю, что хозяйка этой «Ясины» срочно отбыла в Карелию, а может, Корею, я их путаю. Бизнес оставила на управляющего, а сама из Москвы – фьють! И отбыла она не просто так, а чтобы укрыться. На нее покушались, но неудачно. В смысле, для преступника неудачно, а для бизнесвумен все закончилось как раз хорошо. Но не надолго. Мерзавца кто-то отмазал, и он сейчас на свободе. Прикинь, беспредел?! Поэтому Бессмертнова и решила рвануть из страны. А почему покушение сорвалось, угадай? Потому что у нее был бодигард. Вернее, была, потому что девушка. Говорят, сначала вообще было непонятно, зачем ее хозяйка наняла. Решили, что ради понтов. А оказалось – нет, не ради. И еще говорят, девчонка эта такая крутая, что просто зашибись.

Светик сделала многозначительную паузу.

Вика с непроницаемым видом молчала. Мир тесен. И что Клинкина от нее хочет? Интервью для таблоида? Понятно же, она разнюхала, кто именно эта девушка-бодигард. Или не разнюхала?

События того дня Вика помнила досконально. Мадам Бессмертнова потащила ее в ближайший торговый центр, дабы

было с кем посоветоваться по поводу модели кофеварки для офиса, а на поверку, как догадывалась Виктория, чтобы нагрузить «секретаршу» этой самой кофеваркой и еще чем-нибудь по мелочам.

Так ничего и не приобретя, но от беготни по секциям гипермаркета утомившись, Жанночка пожелала передохнуть в местной ресторанной зоне.

Вика не кинулась за круассанами и кофе для нанимательницы, а, дождавшись, когда та выберет столик по вкусу, уселась напротив.

Без долгих предисловий протянула поочередно два темных конверта с фотографиями. Сначала один.

Выслушав с невозмутимым видом ироничный комментарий к снимкам и последующий выговор по поводу несанкционированной слежки, передала через столик второй.

С легким злорадством оценила динамику чувств, отразившихся на физиономии бизнес-леди. Вежливо произнесла:

– С мужчиной мы разобрались. Данный господин – брошенный вами любовник. Но остается дама. Эта рогатая крокодилица и есть пресловутый соглядатай от конкурентов?

– Почему рогатая? – рассеянно спросила Жанночка, перебирая фотографии.

– А разве на снимках не бывшая подруга вашего нынешнего бойфренда?

Вика изо всех сил старалась произносить слова без эмоций, хотя ситуация была ей противна. И сама работодатель-

ница, с упоением плавающая в потоке собственных нечистот – смеси животного влечения и хищной зависти, – тоже стала противна.

Нет, Вика не ханжа. Но как же достали бэушные отношения вокруг и повсюду!

К началу десятого класса все Викины одноклассники успели стать чьими-то бывшими. Ну или почти все. Девки на дискотеках под оглушающий ритмичный грохот ударных целовались с бывшими парнями ближайших подруг и сами между тем тоже являлись чьими-то бывшими, но это никого не канало. Истеричная карусель отношений под сопровождение грязных сплетен, публичных скандалов, рыданий в сортирах...

Кто-то резал себе вены, оказываясь в реанимации и на учете у психиатра. Кто-то подсаживался на легкие наркотики. Кто-то, напротив, бестрепетно и с азартом собирал коллекцию типажей и сюжетов. Или, увлекшись заманчиво приоткрывшимся аспектом взрослой жизни, участвовал в необъявленном соревновании, стремясь выбить побольше очков.

К выпускному вид у многих Викиных одноклассниц был весьма раздербаненный. Не потасканный, а именно раздербаненный. И даже не вид, хотя и внешне это можно было заметить, а, так сказать, внутренняя начинка.

Трудно сказать, явилась бы Вика редким из общего числа исключением, если бы не Генка Коростылев и их многолет-

няя дружба, защитившая обоих от свистопляски переходного возраста, когда гормоны захлестывают мозг, а телеканалы и Интернет настойчиво твердят и внушают, что все хотения законны и выполнимы, потому что естественны. Поэтому смело ныряйте, деточки, ныряйте и погружайтесь, это не страшно и даже весело.

Вика и Генка воспитывались в одном детдоме, и дружба между ними была значительно глубже понятия, которое их ровесники, живущие в семьях, вкладывают в данное слово.

Генка был Вике как брат, но все-таки не брат. Наверное, она его любила, но любила с какой-то наивной уверенностью, без истерики и надрыва. Он всегда был с ней рядом, он защищал ее и неизменно приходил на помощь. И разные проказы они затевали на пару. И наказывали их одновременно и симметрично.

Они знали жизнь гораздо лучше, чем прочие сверстники. Они знали и видели, как льют недетские горькие слезы дошколята, оставшиеся без погибших папы и мамы. Как приспособляются к детдомовской жизни подростки, изъятые у пьющих семей. Как переведенные из Дома малютки, взрослея, усваивают предательство той, которая тебя родила и бросила, словно грязную тряпку.

Директор их интерната была хорошим человеком. Очень хорошим. Не сюсюкала, но заботилась. Но любила. Она многое делала, чтобы хотя бы в быту ее питомцы ни в чем не нуждались, но разве этого достаточно?

И Авдотьева говорила:

– Если уж судьба так повернулась к вам, детишки, то хватит нюнить. Примите это как данность и впредь рассчитывайте лишь на себя. Вам никто ничем не обязан, запомните и усвойте. Учитесь так жить, и не прогадаете. А мы вам поможем.

Жаль, что она так рано умерла. Она не умерла. Ее убили².

В их детском доме, при всех трудно-сложных судьбах и характерах воспитанников, на этаже старших никакого гормонального бума не наблюдалось.

Во-первых, все жили друг у друга на виду, а во-вторых – или это все-таки «во-первых»? – Лидия Петровна много сил тратила, чтобы поддерживать в стенах интерната чистую, друженственно-родственную атмосферу.

Вероятно, из этих причин и выросло в Викиной душе активное неприятие процветающей во внешнем мире массовой сексуальной озабоченности, возведенной в степень необходимо-важного атрибута для высших приматов и заодно ставшей эталоном полноты и разнообразия их жизни.

Викторию выворачивало от тотального воспевания скотства, льющегося из репродукторов и с экранов, а образцы его подражания в реале – бесили и коробили, но менять что-то в собственных внутренних настройках Вика не собиралась.

Или такая чистоплотность передалась ей генетически и ни при чем Интернат? Сложно сказать.

² Подробнее читайте об этом в романе Рины Осинкиной «Убить админа».

Виктория, в силу скрытности, эту тему с детдомовскими девчонками не обсуждала, и с Генкой не обсуждала, оттого их взглядов знать не могла.

Что же касается наследственности, то о биологических родителях Вике ничего известно не было, если не считать скудных анкетных данных, а разыскивать «ту женщину» ей никогда не хотелось.

Несмотря на холеричность натуры, Вике доставало ума держать свое мнение при себе, хотя иногда не хватало выдержки, однако Виктория научилась ловко маскировать эмоции, предотвращая этим ненужные конфликты.

Мама Катя очень хорошо ее чувствовала и понимала.

– Только ты краски не сгущай, не все так скверно, – говорила мама. – Люди разные, судьбы тоже. И старайся не осуждать. Это трудно – и не запачкаться, и не осудить, но надо.

– Мам, мы динозавры? – спросила ее Вика.

– Ну какие же мы динозавры, дочка? Нет, конечно, – с улыбкой ответила Катя. – Мы динозаврихи. Поэтому для цивилизации еще не все потеряно.

Бессмертнову Жанну Альбертовну к реликтовым особям причислить было трудно даже с натяжкой. Однако в настоящее время Жанночка являлась Викиной работодательницей, посему свое неодобрение Виктории приходилось держать в узде. Только, похоже, на ее неодобрение госпоже Бессмертной было начхать.

Жанночка не заметила Викины мимические жесты и на

интонацию внимания не обратила.

Мадам вновь обрела спокойствие, и выражение ее лица стало прежним, капризно-самоуверенным, вот только испуг все еще вибрировал в черноте зрачков.

С нервным смешком и несколько громче, чем требовалось, Бессмертна проговорила, щелкнув ногтем по глянцу фотобумаги:

– Ирка Фризоргер. И она не бывшая любовница, она бывшая жена. Кстати, с ее мужчинкой мы разбежались месяца два уже. Она что, и вправду за мной ходит? Вот дура... И где ж ты ее срисовала?

Вика пожала плечами:

– На парковке около фитнес-центра. Возле косметического салона, где вы подправляли татуаж. В гастрономе на Смоленской. Она всюду попевала.

Жанночка слушала не очень внимательно, погрузившись в какие-то размышления, а потом вдруг решительно проговорила:

– Фигня все. Что она мне может сделать, эта старая швабра?

– Вы сейчас ко мне или к себе обращаетесь, я прошу прощения? – язвительно поинтересовалась Вика.

Жанночка ожгла ее свирепым взглядом, но Вика лишь усмехнулась краешком рта.

Своим кичливым хамством и вздорными манерами эта тетка здорово ее достала. Будто телохранитель – обычная

прислуга, причем не высшей касты.

Виктории пора поднимать свой статус, если она не хочет обвыкнуться с таким порядком вещей. А если нашей бизнес-леди новые правила придется не по вкусу, то пусть ищет себе другого «секретаря». Поэтому, не дожидаясь ответа и не меняя тон, Вика продолжила:

– Вижу, что вы ничего не боитесь. Похвально. Значит, вас не смутит новость, что «швабра» расположилась за несколькими столиков от нас и делает вид, что поглощена изучением каталога «Строительство и ремонт», если мне зрение не изменяет.

Жанночка тут же заерзала на стуле, крутя головой.

Вика выразительно вздохнула.

Со словами: «Действительно, это Фриза», Бессмертнова подхватила со спинки стула сумочку и стремительно встала.

– Куда вы? – неучтиво одернула ее Вика.

– Она мне надоела. Суну ей в рожу эти твои фотки и пригрожу, что заявлю в полицию за преследование.

– Смело, – констатировала Виктория. – Но сядьте. Я сказала, сядьте.

Бизнес-леди перегнулась через столик и злобно процедила:

– Отвянь.

– Жанна Альбертовна, – с расстановкой проговорила Вика, наблюдая, как та спешно собирает со стола снимки и запихивает в узкий ротик лайкового ридикюля, – если бы гос-

поже Фризоргер хотелось с вами пообщаться, она давно бы сделала это. Судя по внешнему виду, робостью дама не страдает. Или я ошибаюсь?

– Мне плевать, чем она страдает. И плевать, хочет она говорить со мной или нет. Главное, что я хочу.

И Викина подопечная, сжав губы в нитку и угрожающе сощурившись, устремилась сквозь зал, лавируя между столами.

Виктория заторопилась следом, просчитывая на ходу варианты событий.

Возможно, заметив издали стерву, разбившую семью, Фризоргер моментально слиняет, но в такой исход верилось мало. Не похожа эта «крокодилица» на унылую рохлю, таскающуюся за обидчицей исключительно из видов мазохизма. Значит, у нее имеется конкретная цель, но какая? Возможно, банальный скандал. Или скандал с потасовкой.

В этом случае Вика должна будет вмешаться, чтобы спасти нанимательницу от затрещин. Но вмешается Вика не сразу, пусть мадам получит свою часть дивидендов.

Всерьез заботил Викторину совсем иной расклад.

Понаблюдав в течение двух дней за бывшей женой бывшего Жанночкиного любовника, Виктория сделала вывод, что эта особа – типичный истероид. А подобным личностям важны, как воздух, театральность, публика, надрыв в последнем акте. Ресторанный дворик торгового центра – как раз то, что доктор прописал. Но простая потасовка – это не круто. Не

ярко, не громко и без резонанса. Раздобыть боевой пистолет при наличии денег – проблемы не составляет. Хотя он и не нужен. С малой дистанции даже выстрел из травматика станет фатальным.

Значит, Вика должна быть готова в считанные секунды удалить подопечную с линии огня. Удалить любым способом. Даже если при этом Жанне Бессмертной придется впечататься холеной рожей в пахнувший хлоркой и блещущий свежей влагой мраморный пол ресторанный двора.

Если Вика успеет.

Но Вика не успевала.

Ирка Фризоргер, отложив каталог в сторону, не мигая следила за приближением ненавистной врагини и улыбалась.

Ох и нехорошая же это была улыбка.

Между тем дурная Бессмертная, не сбавляя скорости, неумолимо перла к цели.

Было заметно, что запал у Жанночки поиссяк и решительности поубавилось, но гонор подстегивал, не давая шанса здравому смыслу.

Виктория же столкнулась с препятствием.

Моложавые дед с бабкой и два звонкоголосых внука младшего школьного возраста внезапно дружно решили покинуть насиженный столик. Мальчишки шумно двигали стульями, жестикулировали, толкались и базарили на тему, пойдут ли они все-таки смотреть мультимедийный фильм в 3D-кинотеатр или же дедуля с бабулей решили, что отвергались пиццей и мо-

роженым.

Хуже всего было, что гомонящее семейство визуально закрыло от нее подопечную.

Распихивая стулья, Вика кинулась в обход. Когда она, наконец, смогла увидеть и оценить ситуацию, поняла, что катастрофически опоздала.

Ирка Фризоргер больше не сидела за столиком. Она за ним стояла, ровно, очень ровно, храня на лице все ту же загадочную улыбку. Правую руку она сунула вглубь модной лоскутной торбы, висящей на плече и сдвинутой к животу. Было видно, как рука внутри торбы совершает некие движения.

Жанночка между тем преодолевала последние метры.

«Пипец тебе, Бессмертнова, не будешь больше по чужим мужикам шариться», – злобно подумала Вика.

Намерения Фризоргер были очевидны. А Викторию от места зреющей расправы отделял ряд вплотную сдвинутых столов, заваленных скомканными салфетками, коробками из-под бигмаков и стаканчиками с недопитой колой. Видимо, только что тут оттусовалась компания студенческой молодежи, решившая отметить сдачу тяжелого хвоста.

Вика, конечно, может сигануть на этот подиум, чтобы лягушачьим прыжком упасть на подопечную сзади и опрокинуть ту на пол. Только вряд ли на все это будет время. Фризоргер, вспугнутая движением на периферии, тут же дернет-ся и в Жанночку пальнет, и, будьте спокойны, не промажет. Вдобавок непонятно, выдержит ли столешница Викин вес.

Вика хоть и не корова, но пластик хрупок и вряд ли рассчитан на такого рода динамические нагрузки.

Делать, однако, что-то надо, причем срочно.

Бессмертнова, воинственно подбоченившись и выставив вперед ногу, уже заняла позицию за спинками стульев, растопырившихся на подступах к столу, с противоположной стороны которого ее поджидало злорадно лыбящееся воплощение возмездия.

Похоже, Жанна Альбертовна собиралась «воплощению» что-то сказать, что-то едкое и оскорбительное. Но передумала. Вместо этого полезла в свой ридикюль.

«За фотками», – ругнулась про себя Виктория, сообразив, каким образом этот жест будет истолкован визави. И не ошиблась.

Ирка Фризоргер, перекосившись от переполнявших ее злобных чувств, выдрала из торбы длиннодульный пистолет – «пневматику», как Вика и предполагала.

Нервничая и оттого бестолково суется, Фризоргер завозила с предохранителем.

Жанночка застыла с выпученными от ужаса глазами.

Счет шел на десятые доли секунды.

Вика дернула с соседнего столика поднос. На пол посыпались скомканые картонки, салфетки, стаканы. Перехватив поднос обеими руками, словно он был не поднос, а теннисная ракетка, она сильным толчком наотмашь отправила его вперед. С низким «вжик» поднос рассек воздух и впечатался

точнехонько в физиономию мадам Бессмертной, произвольно повернувшей голову на шум.

Удар получился славный. Мадам мотнулась вбок в тщетной попытке уклониться от оплеушины и, потеряв равновесие, шмякнулась на стоящий подле нее стул.

Поднос, залипнув на миг в слоях сложносоставного Жанночкиного макияжа, проскакал вниз по выпуклостям ее фигуры и свалился на пол.

Налившись яростью и забыв обо всем прочем, Бессмертная завертела головой, желая обнаружить гадину, которая с ней так поступила, но внезапно вздрогнула.

Уставившись дикими глазами на дымящиеся горошины прорех, усеявшие выше колен ее джинсы, пронзительно завизжала. Прорехи, вначале небольшие, медленно увеличивались в диаметре, а обнажившаяся в этих местах кожа пошла багровыми волдырями.

Поднос возле ее ног также видоизменился. Синий пластик местами вспучило, он шипел и мерзко вонял.

Жанночка вскочила и принялась в панике отряхиваться от маслянистых капель, но тут же зашлась еще пуще – пятна злобно кусали ладони. Зеваки радостно водили мобильниками и снимали видео, предвкушая обильные лайки.

«Повезло тебе, шалава, – нервно думала Виктория, расталкивая толпу. – Еще легко отделалась».

Продравшись к истерично завывающей нанимательнице, скомандовала:

– Снимай портки. Живо!

Та совсем ничего не соображала, только ошалело тарацилась по сторонам.

Не позволив ей снова усесться, Виктория сама принялась стягивать с подопечной потравленные какой-то химической дрянью джинсы. Знать бы, что это. Кислота? Щелочь? Наобум смывать водой опасно, может, это вообще напалм. Предположение дикое, но осторожность не помешает.

К месту происшествия уже поспешал местный охранник, что-то бормочущий в портативную радиостанцию. Видимо, звал полицию. Хорошо бы еще медиков вызвать догадался.

Фризоргер под шумок исчезла, стремясь оттянуть расплату. Но засветилась она по полной: есть свидетели, есть видеозаписи зевак и, скорее всего, есть видеозапись на камерах супермаркета. Иными словами, не получится у Иришки в ближайшее время повторить попытку, не тем она будет загружена. Хотя, если она хотела эффекта, она его получила.

Интересно, где Фризоргер раздобыла такую классную плювалку? На обычный водяной пистолетик не похоже, да и не выдержит пластмасса контакта с едким реактивом. Вот тебе и «старая швабра».

Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы сообразить, что с Ирккой следует пойти на мировую, оставив инцидент без последствий. Пообщаться в спокойной обстановке, обсудить взаимные претензии. Может, отступные предложить. По крайней мере, нужно было попытаться. Но Жанночка за-

кусила удила и судебное дело открыли.

Срок Фризоргер дали небольшой и тут же, к ужасу потерпевшей, заменили на условный. Адвокат смог убедить присяжных, что мотив подсудимой объясним и понятен. Женская часть жюри с ним согласилась безоговорочно. И теперь хозяйка «Ясины» в бегах, путешествует по Карелии. Или Корею.

Перед отъездом Бессмертнова рассчиталась с Викторией за отработанные дни, а к ранее оговоренной сумме добавила столько же, пробормотав:

– Я человек не суеверный, но платить надо за все.

В приступе благодарности она пристроила Victорию к должности в правительственную структуру, хотя Вика подзревала, что вовсе не благодарность это была, а желание похвастаться перед представителем бюрократического клана.

Вика не интересовалась, с какой стати видный чиновник Замятин оказался у Жанночки в приятелях, и строить версии на сей счет не хотела.

Ей нужна была работа, и она ее получила. Поскольку жалование новый подопечный обещал достойное, то заработанные у предыдущей работодательницы деньги Вика растратила на хондовский скутер для себя и наикрутейшую газонокосилку для Усмановны, о которой та давно мечтала, но все не находила лишних средств.

Перспективы виделись светлыми, планы осуществимыми,

а будущее в целом – счастливым. Жизнь непременно наладится. Вика освоится в профессии, начнет хорошо зарабатывать, купит квартиру в ипотеку и позвонит маме Кате. И пригласит в гости. Они снова будут сидеть в уютной кухне и вести разговоры под чаек и ванильные сушки и конфеты «Ласточка».

Будущее не наступило.

Замятин мертв.

Вика не смогла предотвратить его убийство, хотя старик предупреждал.

Сейчас ей жгуче стыдно вспоминать праздник самодовольства, который Вика справляла после умело проведенной операции по охране ветреной бизнес-леди. Ну, а как же. Достигни едкая жижа назначенной цели, навряд ли врачи смогли бы вернуть Жанночке здоровье, не говоря уже о красоте.

Только это ведь было твоей работой, Викуся. Той самой, которую ты подвязалась выполнять. Это была просто нормально выполненная работа. Чего же по итогам так было пузриться?

Напрасно Виктория согласилась встретиться с Клинкиной. Сейчас та примется выпытывать подробности и смаковать нюансы. Настроение Вике это не прибавит, тем более оно и так поганое.

Притвориться разве что глухой? А лучше глухой и тупой для надежности.

Пауза затягивалась.

Не дождавшись от собеседницы реакции, Светик со змеиной вкрадчивостью продолжила:

– Я, конечно, постаралась разузнать все про эту супергерл. Не тупо из любопытства, не подумай, причину имею. Отправилась к ним в бухгалтерию, разговорила девок, только это мне ничегошеньки не дало. Потому что по документам она у них так и не проходила. Про нее вообще никто толком ничего сказать не смог, видели только несколько раз рядом с хозяйкой, и все. Но я узнала, как ее зовут! А Олька, секретарша, вспомнила, что телохранительша та носила колечко на левом мизинце! И Олька при этом клянется, что кольцо скрывает следы от тату! Точь-в-точь как у тебя!

И торжествующая Клинкина вознамерилась цапнуть Вику за левое запястье, за что моментально получила по рукам. Получила не по-детски серьезно и ойкнула, прижав ладошку к животу. В глазах ее блеснули слезы, а губы задрожали:

– Ты, Викочка, напрасно сердисься! Совершенно напрасно! Ничего обидного я тебе не сказала, чтобы меня так вот бить.

– За руки хватать не надо, – с веселым раздражением парировала Вика.

– А что тут такого? Что такого, если я тебя за руку возьму?! – воскликнула Светик и резко встала.

– Да кончай ты психовать, Клинкина, – примирительно проговорила Вика. – Скажи лучше, зачем тебе девушка-телохранитель понадобилась? За каким, так сказать, фигом? В

игорном бизнесе погрязла? И теперь плохие парни поставили тебя на счетчик?

– Нет... – растерянно протянула Светик. – А при чем тут игорный бизнес?

– Забей, Клинкина. Отголоски прошлого. Так зачем?

Светик снова села и проговорила стесненно:

– Это из-за мужа.

– Из-за мужа? Тогда ты, как всегда, все перепутала. Тебе, Светочка, не телохранитель нужен, а частный детектив. Это по их части компромат собирать. Зачем же ты мне только что пела, как счастлива со своим олигархом?

– Да не олигарх он вовсе... Постой, ты подумала, что он изменяет мне? И поэтому я собираюсь вести за ним слежку? Это, что ли, ты подумала?!

– В точку. Именно так. А разве ошиблась?

– Нет, ну, ты вообще... Нет, конечно! Он меня так любит, что просто... Очень любит, короче. И я его люблю, не из-за денег вовсе, не подумай... Он такой у меня, такой!.. Я даже его никому из наших девок до сих не показывала, боюсь, отобьют, шалавы... Тебя это не касается, конечно, это я не про тебя. Ну, не отобьют, а подкатываться точно будут, нервы мне мотать. Я знаешь, какая ревнивая? Сама про себя такого не знала, пока Германа не встретила.

– Мужа Германом зовут? – сделала уточнение Вика, надеясь сбить Светика с волны. Хватит уже про его великопение. – И что? Какие у нашего Германа проблемы?

– А. Да. Сейчас по порядку все расскажу. Только дай слово, что выполнишь мою просьбу!

– Клинкина, не включай дуру.

– Ну, хоть обещай тогда, что никому не разболтаешь!

– Хорошо, хорошо, Светка. Не переживай. Все, что я сейчас услышу, умрет со мной.

– Я по порядку, так тебе понятнее будет, – приступила к повествованию Светик. – Мы с Герой познакомились так романтично, ты не представляешь! Просто как в кино! Это позапрошлым летом случилось. Знакомство наше, я имею в виду. А началось все с того, что не отпустили меня пиаренты вместе с девками в Феодосию.

На Светкиных родителей временами обрушивалось. Что именно обрушивалось? А воспитательное рвение. Внезапно и без предпосылок. Месяцами они занимались своими делами, а Светка, соответственно, своими. Могла не ложиться до утра, отвисая в соцсетях, и никто ее не загонял спать. Или тусить с девчонками на пижамных вечеринках, не возвращаясь домой даже под утро. Или домой все-таки возвращаясь, но крадучись, не рассчитывая особенно на «Антиполицей». Могла посещать в институте лекции, а могла и прогуливать, не утруждаясь выдумыванием причин. И все ей сходило с рук. А потом вдруг – хрясь! И предки включались.

Папашка устраивал дознание, как ему надлежит понимать вот эту самую эсэмэску и кто такой Солёный Боб.

Светкины истерики по поводу, как это низко – проверить ее месседжи, не производили на родителя должного впечатления, а лишь распалили праведный гнев.

Мамашка, в очередной раз хакнув Светкины аккаунты, подливала бензинчику в огонь.

В этом отношении Светке чрезвычайно не повезло. Можно сказать, не повезло по жизни. Любовь Михайловна Клинкина работала в крупной интернет-компании и при желании могла влезть в любой сетевой ресурс.

Клинкин Сергей Георгиевич, то бишь Светкин отец, был в этом смысле попроще, но в чем-то и покруче. Он являлся хозяином риелторской конторы.

Ничего особенного? Не спешите с выводами.

Господин Клинкин содержал свой бизнес, придерживаясь старых надежных правил раннеперестроечного периода. Посему в числе персонала у него имелись не только хваткие риелторы плюс один верткий юрист, но и парочка накачанных агентов группы поддержки. Это многое решало в вопросах с Соленым Бобом и его разновидностями.

Очередной воспитательный рецидив наступил более чем некстати.

Светик уже обговорила с Томуськой, Ларкой и Настеной все нюансы крымского путешествия, девицы выбрали пансионат и забронировали номера. Ей осталось лишь намекнуть предкам, чтобы те пополнили банковскую карту, но тут дело встало намертво. Не у подруг, у Светки.

Любовь Михайловна вдруг узрела, что дочь одевается вульгарно, а «рожу мажет» еще вульгарнее. Вчера еще все было вполне прилично и очень даже ничего, а сегодня – нате вам, приплыли. Потом мамахен понесло смотреть зачетку, и началось! Ну за фигом ей знать, сколько хвостов осталось?!. Светка же не мальчик! Армия ей не грозит, если отчислят. Да и не отчислят, она на платном отделении учится! На стоматолога, между прочим. Это вам не так просто. Потому и хвосты. Подумаешь! Осенью сдаст, и все дела.

Не тут-то было. Начался форменный армагеддон. Так ей мозги не выносили ни разу. Просто озверели, вообще.

А потом вдруг притихли предки.

Мамуля миролюбиво сообщила, что, так уж и быть, поезжай, дочура. И денежек дала. И папуля денежек подкинул. Все клево. Клево? Ага! Не тут-то было.

Нюся, домработница, кося глазом в сторону хозяйских апартаментов, приглушенным шепотом выложила Светке их замысел, о котором прослышала случайно. И если уж так склалось, отчего девочку не предупредить?

Светик никогда не разбрасывала несвежее белье по комнате и не оставляла на полу в ванной пенных луж. Более того, Светик дружила с Нюсей. И кофеек они иногда вместе попивали, и болтали о пустяках.

Клинкина вообще в этом смысле была странным существом. Вернее, ничего странного, это нормально, и именно данная черта примиряла Вику со всеми Светкиными

прибабахами. Но многим другим и впрямь могло казаться неуместным, что богатенькая девочка не блюдет дистанцию с прислугой и прочими «нам не ровням».

Случайно услышала Нюся или нет, Светке было по фигу. Хоть бы и подслушивала, важен результат.

Оказывается, все не так лучезарно. Оказывается, предки спланировали абсолютно неблагородную акцию. Они наняли детектива, чтобы тот докладывал в режиме онлайн подробности дочкиных походов.

А резон у пиарентов был таков: ну, откуда мы знаем? Может, Светланочка и вправду будет вести себя скромно и с достоинством. И без походов. Вот проведем этот эксперимент и сделаем выводы. А то как-то глупо получается: не пускать. А что толку не пускать? Пусть уж раскроет свой потенциал, чтобы потом не стала делать удивленных глаз, когда и если ее отправят к тетке в деревню.

Никаких родственников на селе у Клинкиных нет и не было, но уж как-нибудь предки нашли бы на Светку управу, уж как-нибудь бы да извратились.

От всей души поблагодарив Нюсю за предупреждение, Светка задумалась.

Вот ведь чума! Поездка испорчена, к бабке не ходи. И девкам что-то объяснять придется, коли Светик начнет раз за разом пропускать каникулярные мероприятия.

Перечень мероприятий девицы уже согласовали. В нем значились и посещения ночных дискотек, и дегустация на-

питков на фестивале местных вин, и селфи на нудистском пляже, если он там имеется. Имеется, скорее всего, как не иметься. Вообще-то, это был не план, а вехи. Юные леди по прибытии его уточнят и оторвутся на славу.

И вот теперь Светику придется с кислым видом и в отдалении наблюдать с горечью за резвящимися подругами. Или ворочаться в кровати, если подруги будут резвиться ночью. Или вовсе не наблюдать, если резвиться девчонки решат среди раскованных нудистов. А она тем временем будет сидеть на скамейке в городском парке в компании с местными пенсионерами и читать произведение Тургенева Ивана Сергеевича. Бррр...

Но тут в атмосферу унылой безнадеги, воцарившейся в ее голове, впорхнула вполне жизнеспособная мысль: не кисни, оттянешься после. И на славу.

Когда именно после? А все следующие разы и всю дальнейшую жизнь.

Никто не спорит, данная поездка будет загублена, тут уж ничего не поделаешь. Следует отнестись к этому философски и ею сознательно пожертвовать. Но не бесполезно. Светлана проявит себя эталоном скромности, в отличие от легкомысленных подруг, которые отжигать будут на всю катушку. Предки на Светкин счет успокоятся и больше никогда не станут встречать в ее личную жизнь. Больше не будет ревизий косметики и одежды, внезапных проверок айфона и последующих жестких дознаний.

Как сказал какой-то американец: «Если судьба подсунула тебе лимон, делай из него лимонад». Умный дядька.

И Светка принялась просматривать свой гардеробчик.

На курорт Клинкина отправилась одетой, как чучело. Сделано это было не без умысла. Чтобы не психануть и не сорваться, наплевав на сыщика с его ежедневными отчетами, ей необходимы были тормоза. Шмотки она одолжила у Нюси.

Это было клево...

В грустном смысле, конечно. Мешковатый сарафан из дешевой джинсовой ткани длиной до щиколоток и с вырезом под горло, сандалии на сплошной подошве «здравствуй, пенсия», бордовые треники плюс несколько не особенно новых футболок с фруктовым принтом на пузе. Косметичку оставила в Москве. Купальники тоже.

С такой экипировкой Светке не страшны никакие приключения, они сами будут от нее шараться. Издевательство полное, но это издевательство нужно вытерпеть, на кон поставлено слишком много. Перед ее мысленным взором попеременно маячили кнут и пряник. Оба цинично ухмылялись.

Когда Светик поведала о своих обстоятельствах подругам, девки отнеслись с пониманием, хотя и поржали.

– Только, знаешь, – проговорила, отсмеявшись, Настена, – ты лучше рядом с нами не маячь. А то своим экстерьером всех нормальных парней распугаешь.

– Ой, да ладно! – не согласилась с Настеной Ларка. – Так даже прикольное. Держись поближе, Светка, не дрейфь. Мы будем говорить, что ты наша, как ее... служанка!

Дебилка.

Светка вымученно улыбнулась. Лишь улыбаться ей и оставалось. И зачем она с ними корешается? Знает же, что девки за спинами друг про друга гадости говорят и секреты выбалтывают и сплетничают. Скорее всего, и ее, Светлану, тоже обсуждают. И обсуждают, и высмеивают.

Неужели только затем она в их компашке, что тут весело? Тогда она сама дебилка. Особенно если учесть, что играть в скромницу и умницу сподручнее, путешествуя в одиночку. Однако отматывать назад было затратно и поздно, и Светик решила не покидать обойму.

Как она и предполагала, отдых складывался мерзко. Тоска и скукотища, просто-таки космическая скукотища на фоне феерического курортного веселья.

Пальмы, море, солнце... Соленый ветерок, чайки... Медузы пузырьчатые, противные. Барышни ярко одетые, и полуодетые, и почти голые, в солнцезащитных очках, шляпах, панамах, шортах, парео, без парео... И зрелые тетки, которые не отставали от молодых, выставляя напоказ округлые тела... И мужики всех возрастов, кичащиеся бицепсами и бронзовым загаром.

А Светка даже на пляже сидела в трениках и футболке. Правда, треники она задирала до колен, а футболку завязы-

вала узлом выше пупка, чтобы уж сильно не выделяться на общем раскрепощенном фоне. Но, естественно, выделялась.

Купить, что ли, купальник? И одежду нормальную?

Но этот вариант Светик раз за разом отметала, не без основания полагая, что девки ее тогда окончательно затроллят, найдя новую тему для острог. Типа, сломалась, ну и так далее.

Кислое однообразие этого так называемого отдыха было нарушено на пятый примерно день.

Светик сидела под навесом уличного кафе, потягивая через соломинку апельсиновый сок, и лениво перелистывала учебник. Ну, не брать же было, действительно, томик русского классика в дорогу? Вот, взяла «Курс биохимии». Хоть время с толком проведет. Дотерпеть осталось неделю с небольшим, а дальше – Москва и свобода, безграничная свобода как закономерный итог перенесенных моральных мук.

«Хвост» она так и не смогла обнаружить. Хорошо шифруется, сволочь. А может, это тетка какая-нибудь, а Светик высматривает мужика? А может, это вообще кто-то из девок? А что, у предков хватит ума подрядить на это Томусика или Настену. Ну, или Ларку. Хотя, скорее всего, это кто-то посторонний, и его Светик навряд ли определит. С другой стороны, а зачем? Что это ей даст, какие особые привилегии? Неприятно, конечно, знать, что ты все время у кого-то на виду, как голая посреди торгового центра. Но к этому ощущению Светка смогла притерпеться и даже находила некое

удовольствие, вода за нос ничтожество, зарабатывающее на жизнь выведыванием чужих секретов.

А подруги резвятся. Им-то будет что вспомнить. Сегодня у них круиз вдоль побережья на двухмачтовой яхте. В компании трех фактурных представителей местной фауны. Чисто Голливуд. Синее небо, жаркое солнце, чайки подвывают с высоты, пенные барашки волн легонько бодают борта плавсредства... Ты развалилась под парусом в шезлонге, а юный атлет в шортах и в хлопающей от порывов соленого ветерка аляпистой рубашке подносит тебе коктейль в высоком стакане, лаская влюбленным взглядом.

С ума сойти. Какая пошлятина. Когда они завтра сойдут на берег, нужно будет им непременно сказать, что это пошлятина.

– Я присяду? – отвлек Светку от желчных мыслей чей-то голос.

Мужик. Молодой мужик. Роста выше среднего. Лицо широкое, светло-рус, стрижен коротко. Небольшие залысины. Взгляд серых глаз насмешлив. Лет ему тридцать пять, ну, может, поменьше. Или чуть побольше. Типаж классического сангвиника, который не дурак вкусно выпить, хорошо закусь и поржать над своим же анекдотом. Если бы не нюансы.

Плотный, но без брюха. Ослепительно-белая сорочка с фирменным лейблом на коротком рукаве заправлена в джинсы. Джинсы – в такую жару! – весьма достойные, скорее всего «Wrangel». На ногах – нет, не кроссовки и не сан-

далии. Туфли. Остроносые, темно-коричневой кожи, в цвет брючному ремню. Запястье обвил ремешок борсетки, тоже фирменно-кожаной.

Понтярщик? Тогда должны быть часишки. Хорошенькие такие часишки, швейцарские, тысяч за несколько баксов. А нету. Выходит, не понтярщик. И золотой цепочки на шее в палец толщиной, и массивной печатки на мизинце тоже заметно не было. Значит, и не бандит. Хотя с бандитами Светику по жизни сталкиваться не приходилось, а все больше по сериалам.

Она пожалала плечами, давая понять, что ей фиолетово.

Если этот весь упакованный почему-то решил, что сидеть со Светкой за одним столом будет козырнее, чем расположиться за любым из пустующих, то пусть.

Мысль о том, что он решил к ней подкатиться, даже на секунду не посетила ее трезвую голову, даже как вероятность не посетила. Она же реалист, Светка Клинкина.

Чтобы такой мужик запал на жалкое чмо, каким она сейчас себя являла, – это из разряда чего-то иррационального.

Подскакала официантка. Мужик заказал чашку кофе и апельсиновый сок. Поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее. А потом, протянув через стол крепкую пятерню, цапнул из Светкиных рук учебник.

Не ожидавшая ничего подобного, та книгу выпустила и лишь смотрела негодующе.

Незнакомец, которого ее негодование вовсе не пробрало,

сказал с усмешкой:

– Биохимия?! Внезапно...

– А что вы ожидали увидеть? – выдергивая у него учебник, огрызнулась Светлана. – Сборник сонетов Шекспира?

– Варианты были разные. Слащавый любовный романчик. Устав общины травоедов. Цитатник какого-нибудь учителя просветленного.

– Обидеть решили? – возмутилась Светка и, сунув «Биохимию» в сумку, собралась с гордым видом покинуть заведение.

Но тут он назвал ее по имени:

– Ну что вы, Светлана, какой там обидеть! Решил познакомиться, и что тут такого? Меня зовут Герман. А как зовут вас, я уже знаю, ваши спутницы просветили.

Светка, конечно же, не ушла. Ей захотелось узнать, до какой степени просветили этого нахального Германа ее спутницы.

– И что они вам про меня рассказали? – спросила она, стараясь выглядеть равнодушной.

Новый знакомый в веселом недоумении развел руками:

– Их показания разнятся. Рыженькая заявила, что вы их общая прислуга. Блондинка с длинными волосами сказала, что вы попали в лапы тоталитарной секты. Блондинка с короткой стрижкой опровергла и первую, и вторую и сообщила, что вы являетесь яркой приверженкой движения «Назад к природе» и в конце лета отправитесь на жительство в лесную

общину, что, согласитесь, не так уж и отличается от секты. Такой разброс информации меня озадачил, ну, и заинтересовал одновременно. Вот решил сам у вас спросить.

– И зачем? Вам скучно отдыхается? Набор развлечений захотелось пополнить? – язвительно поинтересовалась Светлана.

Ситуация прояснилась, от шока Светка оправилась, хотя и шока-то никакого не было. И теперь она собиралась немножко хамить. А вот включать обаяние и тонкое кокетство не собиралась вовсе, хотя этим искусством владела виртуозно. Она сейчас чучело в экономкиных обноски, да еще и без косметики к тому же, какие тут могут быть ужимки? Так что Светик в своих поступках была вполне свободна, терять ей нечего.

– Не то чтобы скучно, – уклончиво ответил собеседник. – Но с любопытством решил не бороться. Ну же, давайте, колитесь. Не будьте врединой, это вам не идет. Может, я сам с собой поспорил, что угадаю, кто вы есть на самом деле. А за это я вам про себя что-нибудь расскажу.

Светке расхотелось ему хамить.

Ей стало горько и обидно, что, вот, заговорил с ней такой классный мужик, а она выглядит и вправду до дикости нелепо, а если бы не выглядела так, то он, возможно, и не обратил бы на нее никакого внимания. Прошел бы мимо, не заинтересовался. Не зацепила бы его стандартная блондинка Клинкина, нечем особенно цеплять.

– Выдумывают девчонки, – звенящим голосом проговорила она. – Дело в том... Дело в том, Герман, что это секрет. Придется вам домысливать мою историю без меня. Извините, но мне пора.

И приподнялась со стула, чтобы на этот раз выполнить намерение. Светка совсем не злилась на подружек. Они, вообще-то, молодцы. К чему этому Герману знать, что вырядилась она пугалом исключительно и только ради психологической самой себя поддержки, чтобы не сорваться и не кинуться в гущу курортных походов? И о том, что ей нужна положительная характеристика от приставленного к ней соглядатая, Герману тоже знать не обязательно. Стыдно все это, унижительно. И для Светкиных родителей, кстати, тоже. Как предки этого не понимают?.. Хотя это их проблемы.

– А я никому не скажу, – поспешно проговорил новый знакомый и чуть не силой усадил ее обратно. – Давайте, выкладывайте. Вы совсем мое любопытство раздражили. Если ни один из трех вариантов не проходит, то остается мой собственный, а он вам может не понравиться. Я, видите ли, предположил, что девицы по доброте душевной взяли с собой на отдых дочь потомственных алкоголиков. Так сказать, из мотивов благотворительности. Но на самом деле они держат вас рядом, чтобы в свое удовольствие унижать. Вот такая моя суровая догадка.

Светка растерялась. И как ей ответить? Согласиться, что ее родители и вправду алкоголики? И удрать поскорее, сте-

рев из памяти эту встречу?

Но собеседник избавил ее от мук выбора, проговорив с усмешкой:

– Расслабьтесь. Данная версия не объясняет факта, что за вами следят.

«Кто?!» – чуть было не вырвалось у Светланы.

– Кто вам такое сказал?! – воскликнула она, а у самой пульс скакать припустился, как будто она пробежала стометровку.

– Никто не говорил, – пожал плечами собеседник. – Сам сделал вывод. Вы все время осматриваетесь, а это неспроста. И придирчиво всех оглядываете. Значит, подозреваете, что за вами ведется слежка. Мисс, вы террористка и скрываетесь от органов госбезопасности?

И тут на Светку, наконец, снизошло спасительное вдохновение. Она произнесла с тонкой улыбкой:

– Только ради вашего спокойствия. Чтобы вам не думалось, что в сумке у меня динамит. Видите ли, Герман... Сразу уточню, что обычно я выгляжу иначе. Мне нравится модная одежда и хорошая косметика. Но мои папа и мама... они... они очень обеспеченные люди. Были. А в последнее время им что-то в бизнесе не везло.

И Светик выложила горестную историю, как ее родители предприняли попытку выдать свою девочку за пожилого, но богатого промышленника с севера, чтобы как-то поправить финансовые дела. А он противный и бабник к тому же.

Уговоры на предков не подействовали, и Светлана решилась на крайнюю меру: принялась одеваться нелепо и изображать легкое психическое отклонение. Зачем олигарху женоушка с закидоном? Олигарху с ней в свет выходить, а она учудит что-нибудь во время раута, красней потом перед гостями.

– И он где-то тут? – понизил голос ее новый знакомый.

– В том-то и дело! Я получила надежную информацию, что он собрался на побережье для каких-то деловых переговоров, поэтому воспользовалась случаем и поехала следом. И позаботилась, чтобы он об этом узнал, но узнал как бы по секрету. Ему доложили, будто я нестандартно люблю отдыхать, а что под этим подразумевается, не уточнили. Старый перечник напрягся, а мне этого и надо. Сам он за мной следить, конечно, не будет, приставит кого-то, вот я и озираюсь. Нужно же мне знать, срабатывает мой план или я напрасно себя уродую.

Вика подумала с досадой: и отчего она сама не догадалась вырядиться поужаснее для Вальки-биохимика, изображая блаженную идиотку? И не пришлось бы тогда ссориться с мамой и отцом. Хотя, нет, пришлось бы. Иная у нее ситуация и подробности другие.

– Герман спросил, а в курсе ли всего происходящего мои подруги, – продолжила повествование Светлана.

– И как ты выкрутилась? Ведь девки тебя заложили бы с превеликим удовольствием.

– Я ответила, что они, разумеется, в курсе, но в корне не

согласны с моей методой. С их точки зрения, мне, напротив, нужно демонстрировать разнузданность, чтобы отпугнуть нежелательного претендента. Подруги даже собирались пустить слух, будто осведомленные об этой моей слабости родители отправили следом соглядатая, чтобы хоть как-то держать ситуацию под контролем.

– Гениально. И как Герман отреагировал на этот водевиль?

Самодовольно улыбнувшись, Светка ответила:

– Он поверил! Более того, всерьез воспринял. Сказал, что подруги мыслят правильно, а моя стратегия хромает. Вдруг пожилому джентльмену нравятся девушки скромные и стонущие общества? Тогда чудачества невесты его не остановят. И вообще, зачем так все усложнять? Вот если бы у него, у Германа, родители на эту тему ели мозг, то он бы просто ушел, хлопнув дверью.

Затем, выполняя обещание, он кратко рассказал о себе.

Москвич, холост, хотя по молодости был целых полтора года женат. С тех пор не пришлось, поскольку выбор ограничен, как ни странно. Прекрасная половина везде и всюду тычет в нос свою полуголую сексуальность, приманивая на нее самцов, ну а Герман данный статус брать на себя не согласен совершенно. Косметика, опять же, не на стороне девиц, поскольку злоупотребляют, отчего натурального лица не различить, а он не дурак, чтобы на макияже жениться. В манерах – жеманство и сленг интернетный. Смешно и скучно, и

зло берет временами. Зато работой Герман доволен – состоит водителем у одного важного перца. На побережье оказалась, потому что привез босса на переговоры по поставкам чего-то там откуда-то там. Этим летом в Крыму много деловых встреч, так сказал Герман.

Говорить с ним было легко и приятно. И совершенно было не страшно ляпнуть несусветную чушь, спутав Тайвань с Тунисом, а Тунис с Лаосом. Или Рамблер с Врубелем.

Они проговорили, наверное, целый час, пока у ее нового знакомого не закончился обеденный перерыв.

К тому моменту Светка успела ему рассказать про учебу в Стомате, про вредную декантессу, которая ненавидит симпатичных девчонок, отчего студенткам приходится одеваться на зачеты так же, примерно, как сейчас одета Светлана. Про домработницу Нюсю, которая под видеоролики с Ютуба осваивает искусство боевого бразильского танца капоэйра и наивно верит всем медицинским байкам, принесенным Светкой из института. И про много чего еще.

В приступе щенячьей откровенности она даже продемонстрировала собеседнику фотки забавных глиняных существ, похожих на заек, белочек и медведей, которые под настроенные любила лепить, обжигать и раскрашивать незабудками.

Он молча смотрел на нее и улыбался.

Светка подумала, что ему все это неинтересно и он ее вообще не слушает, но решила не комплексовать.

Ну и подумаешь, ну и разговорилась! Скорее всего, боль-

ше они не пересекутся, так что и стыдиться своей болтливой откровенности она не станет.

Жаль, что не пересекутся. Но она не стала предлагать Герману набрать номер ее сотового. Казалось бы: чего проще? Так все делают, и она так неоднократно делала, познакомившись с кем-нибудь симпатичным на клубной вечеринке. А тут не захотела. Что ли вжилась в образ девушки строгих правил?

Прощаясь, ее новый знакомый произнес:

– Я освобожусь в семнадцать тридцать. Давайте, Светлана, мы с вами встретимся часиков в шесть. Я не очень понял, как нужно обжигать глину, чтобы она не растрескалась. И переоденьтесь во что-нибудь попроще. У вас, кажется, трикотажные брюки имеются? Я тоже, наконец, скину с себя этот «кожух». Станем бегать по пляжу и орать дурными голосами. Когда набегаемся, пойдем в закусочную хавать чебуреки и пить пиво из одноразовой посуды. Вот таким нехитрым способом мы вашего жениха и отпугнем, это с гарантией. Если, конечно, вам не будет скучно провести вечер с простым водителем.

И они встретились, и валяли дурака, и болтали о всякой ерунде.

Поздним вечером Герман проводил ее до двухэтажного отеля, где девчонки снимали апартаменты.

Легонько коснувшись губами уголка ее губ, пожелал «мисс» спокойной ночи и исчез, растворился в желтых фо-

нарных сумерках.

А Светкино сердце колотилось так бешено, что, казалось, вышибет сейчас пару-тройку ребер и птицей вырвется наружу. Забавно...

Домой, в Москву, она приехала раньше намеченного срока, и не поездом, а автомобилем. Компаньонку предупредить не стала, слиняв из номера по-тихому, а с дороги отправила Ларке месседж, чтобы девки особо не волновались.

Новый знакомый, который все еще был для нее шофером важного перца, предложил Светке место в машине босса, поскольку тот решил вернуться в столицу авиарейсом.

Она скушала это нелепое вранье, не поморщившись. И ей было плевать – шофер, не шофер... Она влюбилась. Не знала только, как ему сказать об этом. Потому что сказать очень хотелось. Эта новость не желала существовать втайне, не давала покоя и требовала огласки.

От излишней Светку удерживало лишь то, что она понятия не имела, какие у Германа на нее планы. Может, нет у него планов. Может, довезет ее до дома и распрощается. Потому что никакой недвусмысленной конкретики между ними не произошло, как ни странно. Лишь дружеский треп и ребячливое веселье, не считая ежевечерних легких поцелуев на прощание, которые тоже можно расценивать как дружеские. Или даже братские. А значит, она со своим неуместным «люблю» рискует застыть густо оплеванной на тротуаре возле собственного подъезда.

– А скажи, пожалуйста, Света, – вытаскивая из багажника ее колесный чемодан, произнес Герман. – В продолжение разговора о пожилом промышленнике. А могла бы ты выйти замуж за небогатого? По твоим меркам, конечно. За хозяйку сапожной мастерской? Или чьего-то личного водителя, к примеру? Чисто гипотетически.

Вопрос Светика ошарашил. Замуж...

Перед ее мысленным взором проплыла череда размытых образов.

Сашка, Лешка, Антон, Илья – кто-то из них остался в прошлом, кто-то маячил в перспективе.

То есть от свободы отказаться? От веселого разнообразия? От полноты жизни и спектра возможностей? И ради чего? Ну, чисто гипотетически?.. Да и всерьез ли он спрашивает? Конечно, не всерьез. Проверять реакцию – его излюбленное занятие.

– Чисто гипотетически? – переспросила Светлана, медля с ответом. – Мне не наплевать на статус. А ты как думал? Поэтому, если хочешь мне предложить выйти замуж за какого-нибудь молодого, но сантехника, чтобы избежать замужества со старым, но миллионером, то не утруждайся.

– А за меня пошла бы? – продолжал допытываться Герман, и в глазах его плясали смешинки, как в начале знакомства.

Светка разозлилась:

– Да иди ты на фиг, Галактионов. Тоже мне, секс-символ

всемирного масштаба нашелся! Если тебе что-то там приключилось, это не значит, что я в тебя втрескалась. Это значит, что у тебя мания величия. Чао!

И выхватив у него из рук поклажу, сердитыми шагами направилась к подъезду.

Всю вторую половину дня Светлана приводила себя в порядок: маникюр, педикюр, спа-процедуры... Назавтра запланировала прогуляться по бутикам, чтобы уж окончательно восстановить душевное равновесие. Старалась вообще ни о чем не вспоминать и не думать. Даже о том, какую характеристику отправит мамаше на электронку неизвестный сыщик, налюбовавшийся вволю Светкиной беготней по пляжу и посиделками в пивнушках с мужиком.

Нюся с вопросами не приставала, что-то такое проинтуичив, а родители даже и не удивились, что доча дома. Ну, приехала и приехала, выводы будем делать потом.

На следующее утро ее разбудила растерянная экономка, постучавшая костяшками пальцев в дверь спальни. Извиняющимся тоном проговорила, что звонит консьерж Толик. Спрашивает, пропускать или нет какого-то Галактионова. Поскольку Нюся никого из хозяйских знакомых с такой фамилией не знает, то и решила потревожить девочку, а вдруг это важно.

Светик трепыхнулась было: волосы в разные стороны торчат, морда со сна мятая, но заставила себя уgomониться.

Да и фиг с ним. В конце концов, она его не ждала и не

приглашала. Какая есть. Не хуже, чем днями раньше.

– Я на минутку, – сухо проговорил ее курортный знакомый, остановившись в центре просторного холла. – Ты мне свой сотовый не оставила, пришлось нагрязнеть. Не обессудь, сама виновата. Набери, я сохранию.

И протянул ей визитку. И посмотрел выжидательно. Или требовательно? Похоже, что в смеси того и другого. Нахал.

Светка нехотя визитку приняла, Нюся возникла откуда-то сбоку и сунула ей мобильник.

Сверяясь с цифрами на картонке, Светка набрала номер. Мягко загудел коммуникатор Германа, тот его держал наготове.

И все.

– В смысле, что – все? – не поняла Виктория.

– Ну, как «что – все»? Начали встречаться. Потом он мне замуж предложил. Я согласилась.

Светик улыбнулась счастливой улыбкой.

– А чем история с частным сыщиком закончилась? Получили твои родители отчет? – с непонятной для себя самой неприязнью поинтересовалась Вика.

– Представления не имею. Может, и получили, но смолчали, поскольку я с курорта жениха привезла. А может, Нюся что-то напутала и никакого сыщика никогда не было, но за эту путаницу я должна ее лишь благодарить. Кабы не ее джинсовый сарафан, не сложилась бы моя жизнь, как сложилась. Хотя Герману мне пришлось кое в чем признаться. На

тот случай, если бы ему захотелось извиниться перед тестем с тещей, что помешал выдать дочь за престарелого мульти-миллионера.

Вика приподняла бровь:

– Решила поведать ему истинную причину?

Светик фыркнула:

– Я же не сумасшедшая. Я ему сказала, будто поспорила с подружками, что смогу продержаться в таком затрапезном виде не менее недели. Условием пари была полная секретность, поэтому мы и сочиняли всякие небылицы. Ну, а если девкам поближе к свадьбе захотелось бы рассказать Герману, как оно все было на самом деле, то он все равно не поверил бы им, потому что однажды они уже ввали.

– Отличный ход. А что Саши, Пети всякие? Как же ты с ними рассталась? Или не планировала вовсе?

Светка, в замешательстве на нее взглянув, спросила с растерянным негодованием:

– Да что ты такое говоришь, Викочка?!

– Я тебя цитирую, – невозмутимо ответила Вика.

– Понятно, что цитируешь. Только я тебе душу открыла, а ты так неблагородно со мной поступаешь. Макаешь в грязь. Напрасно я с тобой разоткровенничалась.

«Неслабую подмордовину я ей отвесила», – мрачно подумала Вика.

И сказала, помедлив:

– Это я от зависти, Свет. Извини, неправа. Я очень за тебя

рада, правда рада. Ты из визитки узнала, кто Герман есть на самом деле?

– Ну да, из визитки, – проямлила Светка, еще не отойдя от обиды.

– И что ты от меня хочешь?

Светик сидела, ссутулившись, молчала.

– Я хотела спросить, в чем твоя проблема и как я могу помочь? – поторопилась исправить сухость тона Виктория.

Вот что на нее накатило? Видно, и вправду завидует. Нехорошо это. Если зависть привяжется, потом житья не даст. Про сон и еду забудешь.

– Понимаешь, Вик... – тихо начала Светлана. – Я ведь Германа... полюбила. Не, типа, запала на него, а полюбила. Со мной такого с шестнадцати лет не случилось. Как я из-за Никиты Портнова страдала, помнишь? Из 10-го «Б». Такая идиотка была, призналась ему. А Кит сразу замечать меня перестал. Целый год душа по нему болела, а он на моих глазах со всеми нашими шалавами перетусовался... Потом... Потом я в Кольку Тарасова была влюблена, потом в Сережку Максимова. Была влюблена, а не любила – улавливаешь разницу? Когда любишь, хочется для любимого все сделать, все ему отдать, согласна? А когда влюбляешься, только и знаешь, что использовать парня на всю катушку и отжимать права с привилегиями. Потому что не парня любишь, а приятности, которыми он тебя может обеспечить. Он, между прочим, на твой счет мыслит то же самое, но уже с позиции собствен-

ной выгоды. Хотя поначалу начхать тебе на все его запросы с претензиями. До первых скандалов начхать или чуть дольше. Я, по крайней мере, дольше второго скандала ни с кем не оставалась, очень мне надо их истерики сносить. Так оно и получилось, что Саши, Пети чередой пошли. Как ты говоришь.

– Это ты сама так говоришь.

– Ну да, сама... Не спорю. Я вот спросила себя: а чего я хочу, собственно? Ярких ощущений? Праздника жизни непрекращающегося? Так ничего яркого и праздничного! Все приедается рано или поздно, поскольку одинаково всегда, хоть и с небольшими отклонениями. Тогда, может быть, свободы? А на фига мне такая свобода?! Тоже мне радость – совокупляться с кем хочу и когда хочу... Мне, может, Бог последний шанс дал, вернул способность любить, а я этот подарок в унитаз спущу? Я идиотка?! А какое это счастье – жить любовью, Вик, ты знаешь?! Тем более взаимной любовью! Ты извини, что я обиделась на тебя сначала. Просто как-то из головы выскочило, что ты такой человек, без двойного дна, вилять не станешь, вот и не была готова, потому что отвыкла. Вопрос твой, конечно, неприятный, но логичный. И если уж я так с тобой разоткровенничалась, то выкладывать нужно все до конца. Кроме Геры, нет больше в моей жизни никого. И никогда не будет. Вот так вот.

«Да не вопрос это был. И даже не риторический, а подколка. Низкая и злая подколка, правильно Светка тебя поняла.

А сейчас она еще тебя и выгораживает», – с досадой подумала Вика, мимоходом подивившись необычайной серьезности Светиковых высказываний, равно как и ей несвойственной лексике.

Криво улыбнувшись, сказала:

– Да ладно, Клинкина... Я бы тоже обиделась на твоём месте. Просто у меня полоса какая-то сейчас... Не все складывается, как хотелось бы. Ну это неважно. Но за то, что ты меня оправдываешь, спасибо. И я очень ценю твою откровенность.

– Это вынужденная откровенность, Медведева, но я действительно тебе верю и очень надеюсь, что ты мне поможешь. Ой, извини, Викочка, я хотела сказать «Демидова». Откуда это у меня вылетело? Конечно, Демидова.

Вика быстро на нее взглянула.

Светка Клинкина еще в школе отличалась завидной интуицией вкупе с отменной эмпатией. Отсюда и вырвалось у нее «Медведева», а не «Демидова».

Медведева – это прежняя Викина фамилия, под которой она до девятого класса жила. Пока ее тетя Катя не удочерила. Но сейчас об этом лучше не вспоминать. Незачем себя жалобить.

– Теперь о сути моей проблемы. Изложу, наконец, – продолжила Светлана. – Дело в том, что я очень боюсь за Германа. Дело в том, что я уверена, что ему грозит какая-то опасность. Или гадость какая-то, но с серьезными для него по-

следствиями. Тебе нужно к нему устроиться на работу. Как бы под прикрытием. Уборщицей.

Вика удивленно вскинула брови.

Не референтом? И даже не секретарем? Уборщицей? Мило.

– Он не должен знать, о чем я тебя сейчас попрошу. Конечно, было бы лучше тебя секретаршей к нему пристроить, но у него секретарша есть и в декрет не собирается. И помощник тоже есть. Тогда хотя бы уборщицей. Ну Викочка, ну соглашайся! Я Герману скажу, что ты осталась без работы, что пропадаешь, а я не могу отвернуться от школьной подруги, не оказав помощи. Если в рабочее время ты будешь с ним рядом, мне будет спокойнее! Ну хотя бы недельку! А лучше – месяц. Или я не знаю сколько. У меня сердце за него изболелось! Я просто изнервничалась вся, который день места не нахожу!

С легким раздражением в голосе Виктория проговорила:

– Это не очень хорошая идея, Света. Разве ты не в курсе, что уборщица появляется один раз за день, если не реже? А потом торопится драить пол в соседнем продуктовом магазине или медклинике. Или сразу домой к внукам. Даже если я, пропылесосив, помыв и протерев, захочу остаться поблизости от твоего Геры, он первый попросит меня удалиться. И твое ходатайство тут не поможет, поскольку ты не сможешь дать хоть какое-то объяснение своему капризу. Так что я вынуждена отклонить столь привлекательное предло-

жение. Ввиду его полной бессмысленности. Извини, не обижайся.

– То есть... не поможешь?

– Нет.

Светка замерла. А потом разрыдалась.

Викторию это поразило невероятно.

Нет, не сам факт Светиковых рыданий ее поразило, а то, как Клинкина сейчас их исполняла. Еще со школы Вике был известен отточенный до мелочей постановочный номер Светкиного плача.

Из распахнутых ее глаз, словно по мановению волшебной палочки начинали струиться чистыми ручейками слезы, а на лице проступало выражение трогательного и прекрасного страдания. Невинно-жертвенного, конечно.

Этюд мог сопровождаться тихими вдохами и нежными всхлипами – и только. И никаких вам грубых звуков и уродливых гримас.

Артистизм высокого уровня. Гениальная Вия Артмане в роли гениальнейшей Джулии Ламберт.

Сейчас же Светкина мордочка обезобразилась складками, и покрасневший нос захлюпал, и губы скривились, да и звуки, которые при этом рвались из Светки наружу, эти «гы... гы... гы...», были, как бы это сказать, не изящны. Никакой эстетики, то есть абсолютно никакой.

Что это с Клинкиной? Потеряла мастерство? Или?..

Наверное, все же «или». Потому что Светка уже взяла

себя в руки. Достала из сумочки пачку бумажных носовых платков, высморкалась, аккуратно промокнула веки. И, обращаясь к цветочкам на скатерти, проговорила:

– И что же мне теперь делать...

По всему было видно, что никакого ответа от цветочков она не ждала. Да и от Вики тоже. Пространство беседки и все, что было вокруг беседки, весь огромный окружающий мир заполнило молчание, холодное и тугое, как мертвая стоячая вода в изгаженном и некогда чистом лесном водоеме.

Вика прочистила горло, легонько откашлявшись. Сказала:

– Ты вот что, Клинкина. Ты мне сначала расскажи, в чем там у тебя дело, и мы подумаем. Поконкретнее только расскажи. И не свои умозаключения мне вываливай, а факты, из-за которых ты решила, что мужу твоему что-то угрожает. А я уж разберусь. Может, ты что-то неправильно поняла... Может, просто приключилось, такое бывает...

– Факты?! – возмутилась Светка. – Да я кожей чувю! Ты что, забыла, какая у меня интуиция? Про маршрутку забыла? А может, тебе еще какие-нибудь случаи напомнить?

Про маршрутку Вика помнила прекрасно.

Это история тоже со школы.

Была середина мая, как раз после праздников. Их класс повели на экскурсию в Экспоцентр на какую-то промышленную выставку. А Вика со Светкой и с еще несколькими девицами решили смотаться пораньше и от группы отстали. А

чтобы, ожидая автобус, не маячить возле центрального входа, решили забиться в подошедшую маршрутку, но Светка заартачилась.

Заявила, что лично она поедет на автобусе, и плевать, если их тут на остановке застучает училка.

После короткой перепалки решили пройти пешком и через квартал увидели ткнувшуюся в столб «Газель» и перегородившую всю проезжую часть автоплатформу, груженную балконными дверями и окнами.

«Неотложка» еще не приехала, полиции тоже не было видно. Дверцы микроавтобуса заклинило, и несколько мужиков из прохожих пытались вскрыть переднюю, со стороны пассажиров. Из салона слышались истошные крики, чей-то плач захлеб и еще кто-то испуганно матерился.

– Принято, верю. Ну а все-таки, факты какие-то у тебя есть? Мне конкретика нужна, чтобы разобраться, чем я помочь тебе могу. Что такого необычного в поведении твоего мужа ты заметила? Нервный стал, оглядывается часто на улице? Или, может, он поделился с тобой опасениями какими-нибудь?

– Да в том-то и дело, Вика, – проговорила Светка с нажимом, – в том и дело, что ведет себя этот самоуверенный олух как обычно! То есть легко и непринужденно! Не чувствует он никакой опасности, понимаешь? Абсолютно никакой!

После паузы добавила:

– А я чувствую. Только толку-то? Вот пойду я в какое-ни-

будь охранное агентство, они мне те же вопросы, что и ты, задавать начнут. А я им про чутье... Конечно, за мои деньги – любой каприз, только работать они будут спустя рукава. Потому что решат, что дамочка истеричная. И прозывают киллера... И Герочку убьют...

Вика внимательно на нее посмотрела:

– Свет, ты думаешь, что все так серьезно? Тогда ты должна мне хоть что-то сказать. Если ему и впрямь угрожает опасность, мне хотя бы приблизительно нужно знать, откуда она исходит. Я ведь буду, как ты выразилась, под прикрытием, значит, не смогу организовать нормальную охрану. Никаких легальных действий плюс работа на опережение. Очень сложная задача, поверь. Ты давай пока с мыслями соберись, а я за кофейком сгоняю. И зверя Усмановниного мне кормить пора, а то, когда голодный, он вредный делается.

Светка, услышав про «зверя», оставаться в беседке передумала, потому что ей захотелось посмотреть, кто же это такое.

Ничего особенного, обычный пасюк, откормленный и наглый. Вот такие эстетические пристрастия в смысле любви к живой природе были у Танзили Асадуллиной: крысы и вороны. Никаких тебе морских свинок или волнистых попугайчиков – крысы и вороны. Ворону пока ей приручить не удалось, а пасюк прошлым летом прибился.

Вернее, не сам прибился, а Усмановна обнаружила его на земляном полу дощатой выгородки, что в дальнем конце са-

да, где хранились два оцинкованных ведра, один таз, ржавый рукомойник, велосипедная рама, сдохший автомобильный аккумулятор и прочий бытовой утиль, который Танзиле было жалко выбросить.

Подраненный крысяк отлеживался у стеночки после потасовки с сородичами или с каким другим неприятелем и на вошедшую двуногую внимания не обратил, так ему было худо.

Танзиля осторожно переложила животинку в обувную коробку и с максимальными предосторожностями, стараясь не попадаться на глаза соседям, занесла в дом. Не в сарай или на веранду, а непосредственно в ареал своего обитания. И принялась выхаживать. А выйдив, отвела ему угол в кухне.

– Это кухня?! – изумилась Клинкина, оценив кубатуру пищеблока. – Это кухنيща. В нашем коттедже кухня тоже большая, но по сравнению с этой она просто клетушка с одним окном. Правда, с широким.

– А это Яшка, – кивнула Вика на просторную клетку, стоящую в простенке между окнами, внутри которой деловито копошилось гладкошерстное существо темно-серого окраса. – Прошу любить и жаловать.

Светка взвизгнула и шарахнулась за дверь.

– Вик, ты что, обалдела? Клетка же открыта! Он же оттуда сейчас выскочит! – пискнула она уже с веранды.

– Да ладно тебе прикидываться, Клинкина, – проворчала Виктория, насыпая в блюдце возле вольера какой-то хрустя-

щей еды. – Когда это ты боялась крыс? Тем более наш Яшка вменяемый и никого не обижает.

– Я всегда боялась крыс. И мышей, – возразила Светка, возвращаясь на кухню.

– Это ты Гере своему рассказывай, – хмыкнула Вика. – Мышей она боится, как же...

Светка приблизилась к трапезничавшему грызуну, присела на корточки рядом.

– А почему вы его не в клетке кормите, а снаружи?

– Ну как почему? Чтобы лишний раз к нему в логово руки не совать. Все-таки зверь, самец. Видишь ворох пищевых оберток внутри? Это у него лежанка, неприкосновенная зона. Яшка ее сам оборудовал. Натаскал из мусорного ведра упаковки от сыра и колбасы, устроил себе шалашик. Танзиля с этим безобразием попыталась бороться, но он в такое неистовство пришел, что куснул ее даже. Усмановна решила животное уважить.

– Надо же... Какой пу-у-усик...

Яшка на миг оторвался от корма и на Светку зыркнул. Как-то очень осмысленно у него это получилось, как-то многозначительно.

Та тихонечко ойкнула.

– А как же ты его после еды загонять обратно будешь, а, Вик? Он тебя послушает?

– Зачем загонять? Яшка только спит в клетке, а в остальное время бегают где хочет. Да ты не беспокойся, не насту-

пишь, он очень быстрый, любое движение на периферии отслеживает. Даже завидую.

– О, классно! – с фальшивым энтузиазмом воскликнула Светлана. – А чего это мы с тобой, Викусичка, в такую жару в четырех стенах делаем? Кофе можно и растворимый попить, мы же не снобы с тобой, правда?

Виктория пожалала плечами и произнесла:

– Ну, хорошо. Топай в беседку, а я через минуту все принесу. Только банку с кофе захвати. И чашки. И сахарницу. А я займусь чайником.

В строгой юбке до середины колена, блузке с воротничком апаш и туфлях-лодочках на умеренном каблуке она себя чувствовала несколько стесненно, однако вынуждена была с Клинкиной согласиться: соискатель на должность советника по этикету не может явиться на собеседование в джинсах с прорезами на коленях и черной майке-американке. Даже если собеседование чисто номинальное.

Мысль предстать перед владельцем и директором крупной промышленной компании Германом Галактионовым в столь замысловатом качестве принадлежала его жене.

Вику этот вариант устроил больше первоначальной Светкиной идеи сунуть в руки Виктории клининг-инвентарь, чтобы та, осторожно выглядывая из дверей подсобки, наблюдала за всем происходящим вокруг Светкиного любимого Геры и в случае чего срочно бросилась его спасать. Со шваброй

наперевес.

Знакомство с фабрикантом получилось скомканным.

Было заметно, что Галактионову абсолютно безразлично наличие или отсутствие в штате принадлежащей ему фирмы еще одной сотрудницы, навязанной ему обстоятельствами неумолимой силы в лице дражайшей половины.

Рабочее место для Светочкиной бывшей одноклассницы, по Светочкиному же настоянию, было отведено в приемной, где размещался стол секретаря, за которым несла службу Маслова Алевтина Георгиевна, дама элегантного возраста и больших амбиций, а также стол Вадима Ветрова, референта, у которого амбиций было еще больше.

Ветров, надменный щеголь лет тридцати, имел собственный кабинетик по соседству с директорским, поэтому дополнительное рабочее место в приемной было необязательным, однако оно подчеркивало высоту ветровского статуса. Теперь же, с приходом нового и такого «нужного» сотрудника, Вадику придется довольствоваться единственным столом – тем, что в его кабинете.

Надо заметить, что в нужности нового сотрудника сомневался один лишь Галактионов. Он был умный мужик и не стал объяснять персоналу, по чьей прихоти пришлось изобрести вакансию с весьма размытыми должностными обязанностями.

Приближенные восприняли ситуацию как само собой разумеющуюся, однако отнеслись к появлению еще одного по-

мощника директора неприязненно и ревниво, а жаль.

Вике было важно, чтобы к ней прониклись доверием и симпатией. Теперь придется в доверие втираться, а симпатию заслуживать, а все это льстивое двуличие Вика терпеть не могла. Даже ради выполнения задачи.

Дождавшись, когда Ветров с холодной улыбкой, обращенной вовнутрь, извлечет из ящиков своего бывшего стола несколько потрепанных еженедельников и пучок разноцветных маркеров, Виктория расположилась на расчищенной территории. Вытащила из сумки нетбук, достала блокнот и авторучку, положила рядом перед собой.

Светкину просьбу придется выполнять конспиративно, следовательно, надо убедительно изобразить, что ты занята исполнением тех самых функций, которые были озвучены Галактионовым узкому кругу персонала. Нужно импровизировать, причем безошибочно. Алевтина не дура, а тем более Ветров не дурак.

Вика не собиралась надолго задерживаться в этом месте. У нее задача проверить Светкины страхи и их отфильтровать.

Судя по информации, которую удалось из Клинкиной выудить, что-то над ее мужем и вправду нависло. Виктории как раз и предстоит узнать, что именно и насколько оно серьезно.

Сосредоточиться на задаче мешала окружающая обстановка, и это было нехорошо.

Сейчас Вика вроде бы справилась с паникой, а вот ко-

гда она в сопровождении девочки-курьера, встретившей ее в проходной, вышагивала по длинному и прямому, как рапира, коридору заводууправления, в грудь заползло холодно-липкое предощущение нового провала.

Ничего странного, простое действие закона ассоциативных связей. Стены, обшитые деревянными полированными панелями, скрипучие доски паркета под бордовыми коврами дорожками, высокие потолки, массивная лепнина. Сталинский ампир, все тот же сталинский ампир, в интерьере которого встретил последние минуты второй по счету Викки подопечный.

Чья смерть целиком была на ее совести, как выразился тамошний начальник безопасности. Скотина.

Вчера Вика ничего не стала от Светика скрывать. Вдруг ей так захотелось – рассказать. И рассказала. И звенящим голосом подвела итог: ей нельзя доверять ничью жизнь. Ей нельзя доверять ничью жизнь, потому что, доверившись, человек будет на Вику надеяться, а она – ноль. Пустое место. Возомнившее о себе ничтожество.

Светка слушала, напряженно прищуриив глаза. Покивала в знак того, что Викторию услышала. Спросила:

– Вик, а можешь уточнить... В чем именно состоял твой косяк?

Виктория негодующе на нее воззрилась:

– Разве я не объяснила? Моего подопечного убили! Это происшествие, по-твоему, слабо тянет на косяк?

– Вот ты только не горячись, Викочка. Конкретно можешь мне перечислить свои ошибки? Так сказать, по списку.

Вика устало потерла лоб ладонью.

– Вероятно, нужно было настоять, чтобы он носил броник.

– И шлем с забралом? – неожиданно съязвила Клинкина. –

Как у Дарта Вейдера?

– При чем тут Дарт Вейдер? – с недоумением взглянула на нее Вика.

– Ты что, Демидова, не догоняешь? Или так прикалываешься? Киллер наверняка за жертвой следил, причем не один день. Думаешь, он не заподозрил бы бронезилета на твоём подопечном, если бы тот внезапно растолстел на два размера? А коли заподозрил, не стал бы рисковать, а просто-напросто разнес бы чиновнику башку. Конечно, в башку сложнее попасть, но если для этого мастера плотные занавески – не преграда, то мишень побольше, мишень поменьше, репа ли, тушка – разница небольшая. И я не верю, что это не приходило тебе голову. Тогда, может, уже кончишь заниматься самоедством? Или это тебе по кайфу?

Вика молчала, обдумывая услышанное.

Не дождавшись ее реакции, Светка продолжила допытываться:

– А что в полиции говорят? Как такое вообще произойти могло? Мистика какая-то.

– Что говорят сейчас в полиции, я не знаю, не общаемся. Но, когда приехала группа, один из оперов предпо-

жил, что, возможно, прицел у винтовки был инфракрасный. Непонятно только, как киллер мог вообще быть уверен, что не шмальнет в кого-то другого. В уборщицу, например. Или в секретаря. Похоже, что в здании у него имелся сообщник, который каким-то образом подтвердил, что в кабинете именно Замятин.

– Хорошо еще, что тебя в сообщники не записали, – высказалась Светка.

– Да, повезло мне. В момент убийства я была на глазах у начальницы канцелярии и секретарши. Вернее, мы были на глазах друг у друга. Я вернулась к ним в приемную, проверив шторы в кабинете, и лишь затем туда направился сам Замятин. Прошло минут пять-семь, потом за дверью что-то хлопнуло. Как будто книжку резко закрыли. Меня бы это не насторожило, если бы почти сразу я не услышала звуки улицы. Подумала – наплевал подопечный на мои инструкции, открыл окно. Поэтому и поспешила в кабинет, чтобы восстановить порядок. Замятин сидел в кресле, как ни в чем не бывало. Мне так показалось вначале. В кабинете был полумрак, он любил отдыхать после обеда, не включая освещения. Я сказала ему, что не следует нарушать правила безопасности, тем более если работает кондиционер. Замятин не отреагировал. Подошла ближе, увидела, что он мертв, позвонила в полицию и местной охране. В принципе, к оперативникам у меня претензий никаких, они действовали грамотно. Им тоже пришла в голову мысль о сообщнике, поэтому телефоны

у нас троих сразу изъяли, чтобы проверить, не подал ли кто сигнал снайперу. Сотовый оператор потом подтвердил, что никаких исходящих звонков с наших номеров не вылетало.

– Было страшно?

– Страшно? Если за себя, то нет. Противно было. А ситуация в целом была, конечно, тяжкая. Так как-то...

– Да... Все чудесатей и чудесатей... А ты с коллегами по цеху коннектилась? Может, они сталкивались с чем-то похожим? Или слышали?

– У меня нет коллег по цеху! И знакомых в этой среде нет тоже! Откуда?! У меня только сокурсники, и то я с ними распрощалась, не доучившись. А тот, с кем могла бы посоветоваться, он... Короче, я не хочу его грузить своими проблемами, – нервно закончила Вика, имея в виду Игната Пантелеева.

Хотя на самом деле не в деликатности дело. Ей было невыносимо стыдно признаваться Игнату в провале.

– Все ясно, – самодовольно-безапелляционным тоном проговорила Светка. – Твой истеричный надрыв я отношу на счет ущемленного самолюбия. Вопли, что ты ноль и пустое место, имеют самую примитивную причину: простить себе не можешь, что не сумела соответствовать собственному о себе великому представлению. Конфликт между завышенной самооценкой и форс-мажорной реальностью.

Вика с удивлением на нее воззрилась:

– Света, откуда столь нереально умные мысли?

Услышанное совершенно не вязалось с тысячу раз подтвержденным и оттого устоявшимся мнением, что Светка Клинкина – инфантильное капризное создание с ограниченным кругозором и узким спектром интересов.

Светка опять было надулась, но, вспомнив, что здесь она проситель, обиду проглотила.

– Сама не пойму, откуда, – принужденно рассмеялась она. – Наверное, из телешоу какого-нибудь.

– Психолог фигов, – пробурчала Виктория несколько сконфуженно, – доморощенный.

– Фигов не фигов, а психолог. Хоть и доморощенный. Короче, твоей вины, что бюрократа кокнули, я не вижу. Ты сделала все грамотно. Я тебе доверяю и хочу нанять. Поэтому сейчас я тебе обрисую мою ситуацию.

– Разоришься меня нанимать, – хмыкнула Вика, однако Светкин рассказ, а также ворох ее доводов и выводов терпеливо выслушала, честно стараясь отнестись ко всему серьезно.

Получалось не очень. Выходит, обманулась она в Клинкиной, понадеявшись, что та поумнела. Клинкина осталась прежней.

В качестве начального аргумента, который должен был доказать обоснованность ее страхов, Светик предъявила эпизод с некоей Лилькой Прокопьевой, той еще змеей и старшим менеджером отдела продаж одновременно.

Прокопьева подкатывалась к Герману на майском корпо-

ративе, а тот прилюдно поставил ее на место. Будучи посланна, Лилька, естественно, Геру возненавидела. На оскорбленные чувства профурсетки можно было бы наплевать, если бы не одно «но». Ее двоюродный братец недавно вернулся из колонии, где отбывал по серьезной статье. И он иногда навещается к кухне посреди рабочего дня, их даже видели вместе за столиком в соседней закуской.

Светлана, конечно, мужем гордится, что он вот так прям взял и послал наглуую бабу, однако сложившаяся ситуация вынуждает напрячься.

И вынуждает в особенности, если принять во внимание, что Семен Свиридов, начальник внутренней охраны, отправил весь личный состав на переподготовку, не согласовав с директором этот шаг. Поэтому теперь даже на территории родного предприятия Герман не может считаться находящимся в безопасности, поскольку на проходной сидят пенсионеры в очках и с кроссвордами, а на периметре так и вовсе не осталось никого. Разве это не причина для беспокойства?

А зачем и почему Свиридов так борзо поступил, у Светика есть версия.

Не так давно Герман прознал, что заведующий сырьевым складом по фамилии Фатеев мухлевал с закупками расходников, а дельточку клал в карман.

Герман учинил ему разнос с последующим увольнением, а затем устроил головомойку и Свиридову. Видимо, заподозрил сговор.

Вывод напрашивается сам собой: начальник охраны отослал спецов, чтобы не мешали Фатееву воровать, сам же за определенную мзду предоставлял кладовщику преференции – схема обычная. Наверняка у Свиридова тоже вырос зуб на Германа, хоть тот с фирмы его не турнул, а лишь пригрозил накатать жалобу в федерацию. А раз обиду затаил, значит, под пули, чтоб спасти нанимателя, не кинется, это точно.

Поэтому Светик и решила собственноручно защитить мужа, наняв ему телохранителя. Но по секрету. Потому что, когда она высказала Герману мысль, что ему следует усилить меры охраны, он расхохотался и со словами: «Ох ты, моя прелесть», поцеловал жену в носик.

Светка перевела дух и требовательно посмотрела на Вику.

А Вика пребывала в затруднении. Фигню какую-то поведала ей Клинкина. То есть полную и абсолютную. И как ей об этом сказать?

– Фигню ты какую-то мне поведала, – сказала она аккуратно.

– Да ты что?! Как ты можешь?! – возмутилась Светка. – Все очень серьезно, а ты – фигню!

– Ты не горячись, Клинкина. Я же не отказываюсь помочь. Но ты пойми: то, что ты мне сейчас выгрузила, на сигнал SOS не тянет. Совсем не тянет, поверь моей интуиции. Обычные производственно-бытовые склоки.

– А ты моей интуиции веришь? – скорбно воскликнула Светка.

Вика вздохнула:

– Ну, хорошо. Давай разбираться. Откуда у тебя вся эта информация?

– Сама раздобыла, – обиженно пробурчала Клинкина.

– Давай подробности. Что я из тебя вытягиваю? Когда? Каким образом? Можно ли доверять твоим источникам? Я жду, не тяни.

Светка посопела и призналась:

– За информацией я ходила в их столовку. В заводскую. Кстати, кормят там – пальчики оближешь: котлеты, пюре картофельное, мясо с черносливом... Подливочка... Прикинь – подносы алюминиевые, стаканы граненые! Просто суперский винтаж! Я на самом деле редко на фирму захожу, не хочу народ веселить. Будут потом издевательские гадости за спиной муссировать, мне это не надо. В тот раз я вообще внешность поменяла, чтобы люди при мне говорить не стеснялись. Проходную прошла и в первом попавшемся туалете переделалась. Комбезик надела, как у всех девчонок из цеха, в магазине спецодежды купила. На голову бандану, под бандану парик, на морду – очки. Маскировка что надо получилась, сама себя в зеркале не узнала. В столовке отстояла очередь на раздаче, запеканку с компотом взяла, присела поближе к теткам из бухгалтерии. Они такие высокомерные, на людей в рабочей одежде вообще внимания не обращают. Мне того и надо. Я понимаю твой сарказм: сплетни, то-се. Но, во-первых, дыма без огня не бывает, а во-вторых, другого способа

я не придумала. И по итогам хочу сказать, что не напрасно я этот маскарад затеяла. Потому что страхи мои нашли подтверждение.

Последняя фраза Викторию насторожила.

Стараясь не сбить Клинкину с мысли, она сказала:

– погоди, Светка, постой. Я не поняла, у тебя уже были какие-то страхи до этой эскапады? Извини, вылазки? До нее именно, а не в результате? Что заставило тебя действовать?

– Э-э-э... Не помню, – растерялась Светка. – Ты думаешь, это существенно?

– Ну конечно! Постарайся это нащупать!

Светка сосредоточенно наморщила переносицу.

– Сейчас. Сейчас. Надо послойно отматывать воспоминания в обратном порядке, – сказала она важно. – В этом случае есть шанс добраться до стартовой точки. Не возражаешь, если я буду рассуждать вслух?

Вика не возражала.

– Значит, почему я решила пойти подслушивать... События, какие события были... О! Купила в Столешниковом классный гарнитурчик! Там неплохой бутичок нижнего белья – между парфюмом и кондитеркой. У меня есть дисконтная карта, я могу ее дать тебе попользоваться. Извини, извини... Бутик, значит, посещала. Получается, уже тогда настроение у меня было не очень, если я решила развеяться. Так, двигаем дальше вглубь истории... Днем раньше заезжала к Герману на фирму, у меня айфон погас и больше

не включался, попросила его посмотреть, в чем там дело. Я могла бы, конечно, обратиться в любой салон связи, но мне приятнее, когда Гера обо мне заботится. И ему тоже приятно меня опекать, я это чувствую. Прикинь, захожу к нему в кабинет и даже испугалась, не поняла сразу, что происходит. Представляешь, в оконном проеме дядька повис! У меня сердце чуть не выскочило! Гера потом так хохотал надо мной! Оказалось, монтажник. На фасад крепили конструкцию, чтобы разместить рекламный баннер. Огромный такой! Гера решил, что реклама его продукции украсит общий вид здания, но это чисто мужской взгляд на красоту. Что в этих канистрах и бутылках эстетичного? Особенно если Герман с тех пор лишен дневного света.

Виктория спросила:

– А почему он лишен дневного света?

– Так ведь этот гигант рекламной индустрии перекрыл несколько окон на втором этаже, в том числе и Гериного кабинета. Совершенно непонятно, как Гера мог не учесть это заранее.

Виктория задумчиво произнесла:

– Кто их, мужчин, разберет. Может, и мог. После этого случая твоя интуиция забила тревогу?

– Сейчас. Погоди. Вживусь в самую себя в тот день.

Светка прикрыла веки, Вика терпеливо ждала. Наконец Светка встрепенулась и, округлив глаза, возбужденно проговорила:

– Вспомнила! Раньше. Точно раньше! Я тревогу ощутила, когда к нему ехала. Пробку на Волоколамке объезжала по боковым, и мне попались на глаза два инкассатора. Обычные дядьки, даже не особенно фактурные. Стояли возле своего броневика, были одеты в камуфляж, а под мышками держали автоматы. Какое-то оружие, короче, держали. Меня прямо током прошибло. И дома с утра было тревожно, то есть еще до инкассаторов. Хотя Рекс и Стив бегали по участку и видеокамеры работали штатно.

– Собаки?

– Угу. Доберманы. Двухлетки, отличные псы. Свирепые, почти как ваш Яшка. Шучу, конечно. Ни капельки я его не испугалась, крысюка вашего. Так вот, обычно ребятки ночью спят на лежанках возле входной двери, но накануне вечером Гера решил вытурить их во двор. Наворчал, что, какие же они служебные собаки, если в тепле и под крышей.

– Все страньше и страньше. Так ты, кажется, выражаешься? – произнесла непонятное Виктория.

– Я выражаюсь: все чудесатей и чудесатей. А в чем ты странность усмотрела, Викочка? Я что-то пропустила?

– Вспоминай дальше, Клинкина, не отвлекайся. У тебя хорошо получается, но случай с инкассаторами нам не подходит. Вероятно, их вид тебе о чем-то напомнил, но о чем? И это что-то случилось накануне, если, как ты говоришь, уже с утра чувствовала себя неуютно.

Светка послушно продолжила морщить лоб и растирать

морщинки сложенными щепотью пальцами.

– Ты знаешь, – радостно проговорила она, – кажется, есть! Вспомнила! Вспомнила, с какого эпизода моя маета началась!

– Выгружай, – распорядилась Вика.

– Это точно было до инкассаторов. За день. Я сидела в своей машине на стоянке возле заводоуправления и ждала, когда спустится Гера. Вообще-то, я планировала к нему сама подняться и позвонила, чтобы быть уверенной, что он на месте, но Гера не разрешил. Сказал, что у него сложные переговоры с партнерами, что их в кабинете много набилось и что в приемной мне тоже дожидаться не стоит, поскольку не по статусу. Мне ничего не оставалось делать, как подчиниться. Деньги на банковской карте как-то внезапно закончились, а у меня появилась мысль купить ему арбалет. Без повода, просто так. Крутая такая штучка, мальчиковая вполне. Вот. А Гера велел подождать.

Ждать пришлось больше, чем Светка предполагала и чем он, наверное, предполагал. Светские новости в айфоне ей смотреть до тошнотиков надоело, музон надоел, игры надоели, и Светка глазела по сторонам, оттого и не пропустила момент, когда к черному «форду», припаркованному рядом с ее «ауди», приблизился мужичок, толстощекий холеный пончик.

Приоткрыв дверь автомобиля и сунув ключ в замок зажигания, «пончик», тем не менее, за руль не сел, а принял-

ся нервно прохаживаться вдоль борта своей тачки, продолжая возбужденно говорить по телефону. Не говорить даже, а визгливым тенорком вскрикивать.

Видимо, его собеседник был туг на ухо или связь была слабая. Или «пончику» было плевать, слышат его посторонние или нет.

– Да ничем переговоры не закончились! – верещал он в трубку раздраженно. – Потому что со всех сторон подстраховался! К тому же упертый, как носорог. Сомневаюсь, что кто-то другой его убедит. Вы, конечно, можете еще раз попробовать, но, если хотите знать мое мнение, время вы потеряете понапрасну. Ищите более весомые аргументы.

После недолгого молчания Вика спросила осторожно:

– Свет, почему ты решила, что этот базар имеет отношение к твоему мужу?

– Потому что, когда он ко мне через четверть часа вышел, то вид у него был какой-то... больной, что ли... Знаешь, когда человек не хочет, чтобы заметили, что у него что-то сильно болит, и поэтому притворяется веселым.

– Ну и что, Свет. Может, у него и вправду голова болела, а ты в панику...

– Да ничего, Вик. Но ты меня спросила, а я ответила. Именно с того случая моя интуиция принялась сигналить.

Все это, конечно, могло быть совпадением, и данная последовательность событий ровным счетом ничего не означала. Однако у Виктории тоже имелась интуиция, которая не

замедлила напомнить о себе легким дуновением тревоги.

Не следует упускать из виду, что вскорости после «переговоров» Галактионову приспичило повесить на фасад заводоуправления щит с рекламой, наглухо перекрывший оконный проем в его кабинете.

Не многовато ли совпадений?

Еще в активе имеется парочка доберманов, рыскающих по ночному времени под стенами галактионовского особняка, хотя ранее своих песиков хозяин оставлял нести службу внутри, а не снаружи.

Не такой, выходит, самоуверенный олух Светкин муж, как та полагает. Не дурак, ох не дурак Гера Алексеевич.

Какие из всего этого надлежит Виктории сделать выводы?

Во-первых, на Светкиного мужа кто-то наехал, в связи с чем ему могут грозить серьезные неприятности. Во-вторых, Клинкиной надо помочь. И в-третьих, защищать данного субъекта скрытно от него же самого будет непросто. Зело умен Светкин муж и, скорее всего, проницателен.

– Про уборщицу даже не заикайся, – непререкаемым тоном заявила Вика.

– Я пошутила, – быстро ответила Светик. – По-дурачки пошутила. Будешь у него советником. У Геры нет советника по этикету.

И как итог – Виктория сидит за письменным столом в директорской приемной, изображая офисную служащую среднего звена, и анализирует начальные впечатления, припомни-

ная подробности первого знакомства с подопечным.

Герман Алексеевич Галактионов, владелец и гендиректор фирмы «ХимОрганик-ММХ», занимавшей большую часть площадей бывшего комбината по пошиву женской одежды, оказался именно таким, как его Вика себе и представляла – плотным, выше среднего роста светловолосым молодым мужиком с насмешливыми серыми глазами. Одет Светкин муж был демократично – в бежевые брюки и рубашку на два тона темнее брюк.

Сдержанно улыбаясь, он привстал из-за письменного стола – замысловато-стильного, со столешницей в виде вытянутой фасолины и отпочковавшимся на ее левом фланге компьютерным столиком. Жестом пригласил Викторию присесть напротив.

– Я так понял, что вы с моей женой вместе учились? Рад знакомству. Светлана мне все уши прожужжала, рассказывая о вас. Говорит, что вы замечательный специалист и что мне такой сотрудник жизненно необходим. Вы с ней согласны?

Вика позволила себе краешком губ улыбнуться:

– Мне она тоже заявила, что мое присутствие рядом с вами необходимо жизненно. Попробую чем-нибудь помочь. Однако поначалу мне потребуются некоторое время, чтобы присмотреться к вам и персоналу вашей фирмы, и сейчас я объясню зачем. В мои обязанности входит не только инструктировать вас об особенностях этикета на светских приемах. Я не сомневаюсь, что подобные подсказки вам не нуж-

ны, но Светлана настаивала. Она пожелала, чтобы тренинг был проведен и с вами тоже, извините. Но это не все. Также я должна буду подготовить рекомендации для ваших подчиненных. Им необходимо соблюдать служебный этикет, как в общении друг с другом, так и по отношению к клиентам компании. И конечно, по отношению к вам, но тут, я думаю, они не ошибаются. Назовем это кодировкой корпоративной этики. Таков круг моих обязанностей, но не исключено, что он будет расширяться.

– Звучит серьезно, – несколько более уважительно, чем требовала ситуация, проговорил Галактионов, и краешек его губ тоже дрогнул. – Действуйте!

Ну что ж, Вика ничего не имеет против порции легкой иронии в исполнении начальства. Если, конечно, наличествует ирония, а не желчный сарказм.

– То есть я принята, – уточнила она, чтобы исключить недопонимание.

– Ну, а как же иначе, – вздохнул Галактионов, вставая с места и предлагая Виктории проследовать в приемную, где он намеревался представить новую сотрудницу своим референту и секретарю.

После ритуала знакомства директор вновь укрылся в кабинете, не забыв распорядиться насчет рабочего места для новенькой.

– Вероятно, вам потребуется компьютер? – мило улыбаясь, обратилась к Вике секретарша. – Я могу позвонить в от-

дел обеспечения, чтобы после обеда...

– Нет-нет, – отклонила предложение Вика, возвращая улыбку, и пояснила, похлопав легонько по крышке своего нетбука: – Вся нужная информация у меня тут. Спасибо.

Маслова, пожав плечами, уткнулась в документы, а Виктория принялась придумывать предлог, под которым можно будет выведать у секретарши распорядок рабочего дня шефа.

Несколько раз в приемную заглядывали какие-то сотрудники, любопытничали. Некоторые приветливо с Викторией здоровались, и она отвечала им тем же. Другие, бросив безучастно-холодный взгляд, отворачивались. Вика на них не обижалась, характеры у всех разные.

Ни о чем спросить Маслову она не успела – в дверях кабинета показался Герман Алексеевич. Вельветовый пиджак сидел на нем превосходно, а по цвету идеально подходил к рубашке и брюкам. Вполголоса что-то сообщив секретарше, Галактионов приемную покинул.

«Молодец Светланка, следит за мужем», – подумала мельком Виктория, торопливо поднимаясь с места.

Надо отдать шефу должное – выдержка у него была что надо. Он никак не отреагировал на стук каблучков, приглушенный ковровой дорожкой, который, конечно же, отчетливо различал позади.

С невозмутимым видом он прошествовал вдоль длинного ряда дверей второго этажа, спустился по лестнице на пер-

вый, резво сбежал по ступеням проходной. Он не проронил ни слова, когда на подступах к парковке служащая вырвалась вперед, обогнув его по малой дуге.

Он хранил молчание, наблюдая, как та совершает медленный обход его «Ленд Ровера», с необъяснимым вниманием всматриваясь в брутальные обводы внедорожника. Не выказал удивления, увидев, что девица присела на корточки возле левого переднего колеса и сунула нос под днище, а потом тот же маневр повторила справа. Но когда советница по этикету, отряхнув ладошки от асфальтовой пыли, выпрямилась и замерла в недвусмысленном ожидании возле пассажирской двери, Галактионов не выдержал.

Обойдя джип с капота, он вплотную к ней приблизился и, понизив голос до интимного, спросил:

– Вы собрались прокатиться со мной, госпожа Демидова? Хоть голос был тихий, ирония в нем звучала убийственная.

– Э... А что, нельзя? – глупо спросила Вика, кляня себя, что не подготовилась заранее к такому, в общем-то, вполне прогнозируемому повороту.

Вот тут он, наконец, удивился. Почесал нос. Взглянул внимательно на Вику, что-то в уме прикидывая. Потом произнес кратко:

– В этом нет необходимости.

И не спеша повторил маршрут в обратном порядке.

Глухо клацнула, закрываясь, водительская дверь. Герман

Алексеевич пристегнулся, проверил зеркальце заднего вида, взглянул в зеркальце боковое и отбыл на своей тачке, ехидно подмигнув Вике на прощание правым задним поворотником.

Налившись конфузливой злостью, Виктория направилась к проходной.

В приемную идти не хотелось, а хотелось посидеть где-нибудь подальше от любопытствующих глаз секретарши и собраться с мыслями, не заботясь при этом о выражении лица и не отвлекаясь на разговоры.

Тогда куда? Тогда перекусить, время близится к полудню. А перекусивши, обдумать первую накладку. Хорошо бы – последнюю.

Буфетом Вика решила пренебречь, хоть он и размещался на первом этаже административного здания. Небось ничего нет у них в буфете, кроме растворимого кофе и вчерашних слоек.

Клинкина заводскую столовку нахваливала. Значит, прогуляемся в соседний корпус.

«И что, интересно, он на мой счет подумал?» – задала Вика себе вопрос, прикончив сырники и приступая к брусничному киселю.

Ни один из вариантов ответа ей не нравился. Особенно тот, что сразу всплывал на поверхность. Мог Галактионов счесть, что его новая сотрудница и одновременно подруга жены предлагает шефу услуги интимного характера? Запро-

сто мог. Н-да, дурацкое положение. И как прикажете ей себя вести в дальнейшем, чтобы не провалить миссию?

В голову ничего умного так и не пришло, обед был съеден, пора возвращаться на отведенное ей рабочее место.

Сторожить Галактионова перед проходной было чревато последствиями. Завидев ее, поджидающую, Гера Алексеевич тут же освободит навязчивую дамочку от недавно ею занятой должности, как сделал бы на его месте любой, несмотря на трогательное участие в судьбе бывшей одноклассницы горячо любимой жены.

По правде говоря, неудачный дебют Вику не удивил, а лишь подтвердил опасения – действуя тайком от подопечного, нельзя обеспечить его полноценной защиты.

Обеспечить защиту нельзя, но найти доказательства реально существующей угрозы – можно. Имея на руках аргументы, Светке будет легче убедить мужа, чтобы тот нанял телохранителя. Например, в лице той же Демидовой Виктории. Или же в любом другом лице, если Демидова ему чем-то не угодит. Конечно, сбор информации – дело, скорее, детектива, а не телохранителя, но Вика справится. Должна.

Войдя в приемную, она обнаружила там нового персонажа – молодого человека лет тридцати, живого, улыбчивого и приятно многословного. И безоговорочно симпатичного.

Вика оценила ловкость, с которой тот жонглировал лстывыми остротами, адресованными зардевшейся Алевтине. С ним следует познакомиться или хотя бы узнать, кто он и за-

чем тут.

Похоже, красавчик балагур не из числа работников фирмы: несколько брошенных по ходу разговора замечаний выдали в нем постороннего. А если не сотрудник, следовательно, клиент. Хотя и не клиент. Клиент не будет так мести хвостом перед секретаршей. Наоборот, секретарша поспешит предложить ему кофейку и печенюшек на тарелочке. Ну, тогда он здесь, чтобы что-нибудь втюхать. Только это «что-нибудь» не подарочный альбом «Дрезденская галерея» по цене издательства и не косметика по каталогу. А, допустим, данный представитель имеет желание заключить с руководством фирмы договор на установку кофе-автоматов по всем этажам административного здания. А лучше и по цехам тоже. Вот и подлизывается к секретарше. Такой шустрый и обаятельный должен еще и коробочку конфет ей презентовать в качестве легкого отката, хотя конфеты он уже, видимо, презентовал.

На Вику эти двое никакого внимания не обратили, продолжая шутливую пикировку. Такое положение дел ее устраивало. Она посидит молча в сторонке, послушает, понаблюдает.

Вика откинула крышку нетбука, намереваясь симитировать некий рабочий процесс, но тут дверь, ведущая в коридор, отворилась и в приемную вплыла Светик, наряженная нынче в маленькое сиреневое платье из шелка, цвет которого выгодно подчеркивал глубину и густоту аметистов, увесивших ее уши и ключицы.

Вика мысленно ругнулась.

С чего вдруг Светку сюда принесло? Остается надеяться, что у Клинкиной хватит ума изобразить, что с Викторией они не знакомы. Впрочем, именно так они и улаживались: для всех, кроме Светкиного мужа, они не знакомы.

– О! – воскликнула Клинкина с ненатуральным удивлением. – У нас новый сотрудник?

«Переигрываешь, овца», – отправила ей сердитую телепатему Вика, не забыв растянуть губы в приторной улыбке.

– Видимо, к Алевтине Георгиевне в помощницы? – продолжила лепить горбушки Светка.

– Ну что вы, Светлана Сергеевна, я пока еще сама справляюсь, – отозвалась из своего угла секретарша, принужденно рассмеявшись.

Кажется, Клинкина тут оплошала: хотела подольстить, а получилось, что унизила. Она что же, не знала, что эта Алевтина такая обидчивая? Или все дело в присутствующем здесь коммерческом представителе?

А Светка, не сбавляя веселого напора, поприветствовала и его:

– Привет, Игорёш! Не ожидала так скоро тебя увидеть. Денежки закончились?

Легкой походкой она приблизилась к секретарскому столу, над которым до той поры нависал источавший мед «представитель», и ободряюще хлопнула его по плечу. Или Вике показалось, что ободряюще?

Алевтина моментально уткнулась в бумаги, делая вид, что занята их внимательным изучением.

«Значит, Игорёша, – отметила про себя Виктория. – И кто он, интересно? И почему, интересно, мне ничего о нем не рассказали? И что у них вообще за отношения?»

Во взгляде молодого человека на секунду, нет, на крошечный неуловимый миг, мелькнула какая-то эмоция, мелькнула и исчезла, и произошло это настолько стремительно-быстро, что Вика не успела ее идентифицировать. Это могла быть скрытая ненависть, но могла быть и сдерживаемая страсть. Даже без увеличительного стекла было ясно, что между Клинкиной и этим обаятельным симпатягой искрит, причем искрит неслабо.

– Здравствуй, Светланка, – улыбнулся он, сверкнув белозубой улыбкой. – Рад тебя видеть. Ты, я смотрю, тоже к Герману в контору зачастила. Сплетни достали?

– Ты бредишь, Игорь?! – Светкин тон сделался холодно-отстраненным. – Кстати, я не собиралась сегодня здесь появляться, у меня другие планы были. Но Герман прислал месседж и попросил кое-что привезти. Он у себя?

Это уже к Алевтине обращение. Та, не поднимая головы от бумаг, пожала плечами:

– Герман Алексеевич в это время обедает. Я думала, вам это известно. Хотите кофе?

От кофе Светка отказалась. Прошлась неторопливо между столами, бросив мимоходом на Вику многозначитель-

но-возмущенный взгляд.

Ну, конечно, а как же! Ведь Демидова должна всюду следовать за ее любимым Герой, а не просиживать задницу в приемной.

«Ну, Клинкина, ты напросилась. Я все тебе выскажу, пусть только этот глупейший день закончится», – мысленно посулила ей Вика.

Алевтина что-то шустро набивала на клавиатуре, сверяясь с записями в блокноте, Игорь развалился в одном из гостевых кресел и лениво перелистывал какой-то рекламный буклет, Светка стояла возле окна и трогала жесткие листочки малорослого фикуса. Потом погладила пальцем глянцевую кожу опунции, соседствующей на подоконнике рядом с фикусом, укололась об острую колючку и обиженно ойкнула.

Наконец, прибыл герр директор, долгожданный, целый и невредимый, уф. Окинул взглядом пространство, взмахом руки поприветствовал Игорёшу, улыбнулся жене. И прошагал мимо, то есть в кабинет. Ни тебе «как дела, милая», ни тебе нежных поцелуев в щечку. Ну и правильно. Незачем перед чужими раскрываться.

Как только шеф притворил за собой дверь, Светка направилась следом. Но путь ей преградил Игорь, снявшийся с места, словно спринтер с низкого старта.

Торопясь и путаясь в словах, он сказал, что ему необходимо с ней поговорить, что он давно собирался с ней поговорить, но тема для него слишком уж болезненная, потому-то

он и не решался. Наконец решился. И что ему непременно надо обсудить со Светой данную щекотливую тему прежде ее разговора с супругом.

Парочка обособилась в дальнем углу, до Вики начали доноситься обрывки фраз. Говорил в основном Игорь, а Светка неопределенно хмыкала.

Эта «цыганочка с выходом» просто обязана была приковать Викино внимание. Просто была обязана. Если бы не одно «но». Что-то тревожное шевельнулось в подсознании, когда она смотрела на Галактионова, мимо их с Алевтиной письменных столов шествующего по приемной от двери к двери. Это «что-то» было важным, чрезвычайно важным. Сосредоточиться мешали голоса, отвлекая и потому раздражая.

– Поверь мне, Светлана, – с жаром говорил Игорь, стараясь поймать Светкин взгляд, а когда это у него получалось, тут же отводил в сторону свой, – мне было бы во сто крат проще, если бы женой моего кузена была пожилая толстая тетка, но так вышло, что он выбрал тебя. И что мне прикажешь делать? Я знаю, ты меня презираешь, не спорь, но это потому, что мы знакомы слишком поверхностно. Да, ты поняла верно, я пришел к Герману за поддержкой. Но в этот раз я просчитал все коммерческие риски и составил подробный бизнес-план. Успех проекта гарантирован, тем более что идея заложена уникальная. И мне важно, чтобы ты в меня поверила. Очень важно. Иногда человеку нужен один-един-

ственный мизерный шанс. Дай мне его, и ты больше никогда не будешь думать, что Игорь Коренев ничтожество. От тебя многое зависит, и ты это знаешь.

Светка выглядела озадаченной и удивленной, и разговор вроде бы ее тяготил. Однако не стоит забывать, что Клинкина – великая драматическая актриса, для которой мастерски сымитировать удивление или недопонимание – это то же самое, что для Вики выбить из «макарова» с пяти метров десятку: легко и приятно.

Время секунда за секундой неумолимо утекало, а Виктория замороженно смотрела на Светкину руку, которая с натугой, словно при замедленном воспроизведении, высвобождалась из хватких пальцев Игорёши, бездарного неудачника с завышенными амбициями, неровно дышащего к супруге двоюродного брата. Как это только что выяснилось.

Фигня пустопорожняя. Нет, ну, на самом деле, какое Виктории дело до всех этих латиноамериканских страстей, в то время как что-то существенное от нее ускользало, не поддаваясь умственным усилиям вычленить, ухватить, определить?

Светка руку освободила, теперь свойственник не отпускал ремешок ее сумки.

Клинкина спросила с усмешкой:

– Ну, а от меня что ты хочешь?

Игорь опять что-то забубнил. Она фыркнула, начиная терять терпение:

– Тебе лучше обсудить это с Германом.

– Ну погоди, Светланка, послушай!..

Он вновь преградил Светке дорогу, не позволив сдвинуться с места.

«Однако, хорош», – одобрительно подумала Вика.

Если бы не раздражающий фон, от которого рябило в глазах, она полюбовалась бы подольше ладным силуэтом атлета, упакованного в дорогие шмотки из денима. Но фон мешал.

Фоном были жалюзи. Тонкие горизонтальные полосы бамбука, распущенные до самого подоконника, чтобы уберечь эстетическое чувство персонала от созерцания тыльной стороны гигантского рекламного плаката, перекрывшего несколько оконных проемов второго этажа.

В кабинете директора тоже были приспущены жалюзи и тоже ввиду эстетики. Для Вики как телохранителя этот факт был настоящим подарком. Навряд ли она смогла бы предъявить сильные аргументы подопечному, который и не догадывается, что он подопечный, в необходимости соблюдать видеомаскировку во избежание неприятностей наподобие выстрела с крыши здания напротив.

Вика внезапно напряглась.

Минуточку. Да нет, бред, конечно...

Разве может быть что-то общее у этих хлипких трескучих реечек и гардин из темного бархата?

Может! Если принять во внимание мелкую штукловину, ненужную, бессмысленную, которая прицепилась к пиджа-

ку Галактионова за тот сравнительно небольшой промежуток времени, когда он рассекал по столице на своем брутальном авто. Столь же лишний предмет, хотя иной по исполнению, она видела на лацкане старика Замятина перед тем, как его пришила к креслу снайперская пуля.

Вика вскочила со стула, и, не обращая внимания на удивленный взгляд секретарши, бросилась в директорский кабинет.

«Спокойно, – твердила она себе, стараясь уgomонить бешеный пульс и справиться с накатывающей волной страха. – Спокойно, там все тихо, пока ничего такого не произошло».

Что именно там могло произойти «такого», Вика не решилась обозначить конкретным словом даже мысленно.

Она толкнулась в дубовую створку, та с мягким шелестом отворилась, и Вика оцепенела.

Сознание отказывалось воспринять увиденное.

Сбросив студящую оторопь, Вика ступила в кабинет, тихо прикрыв за собой дверь. Нужно выиграть время. Минуту. Или чуть больше. Навряд ли в течение этих минут Вика успеет подготовиться к неизбежному, но вернуться прямо сейчас в приемную, к Светке, она не в состоянии.

В полумраке кабинета ее глаза не нашли Германа Галактионова. Зато отыскиали его труп. Сидящий за столом труп, который навалился грузным торсом на столешницу, как будто решил прикорнуть после обеда, как будто был он не трупом владельца и директора, а всего лишь трупом мелкого клерка,

крадущего под сон рабочее время у своего капиталиста и застигнутого в таком предосудительном виде старухой с косой.

Голова покойника тяжело придавила страницы распахнутого еженедельника, чуть не протаранив темечком бронзовый макет какого-то древнерусского кремля, казавшегося пришлым чужаком в окружении канцелярской хай-тек атрибутики. Правая рука мертвого Светкиного мужа безвольно свисала вниз и мерно покачивалась.

Секунда, всего лишь одна секунда, и Герман Галактионов, полный сил мужик, талантливый бизнесмен и любящий супруг, тонкий насмешник и холодный прагматик, остался бы жив.

Вике захотелось завывать. Нет, ей хотелось застрелиться.

Анатолий Бородулин раздраженно шмыгнул носом, отстраняясь от дисплея. Беззвучно выругался. Метка исчезла. Поплывала по экрану туда-сюда и пропала, закатившись в туманно-склизкое пятно, которого на экране быть не должно. А оно было!

Однако чего это он истерит?

Нехорошо это, неправильно. При его работе раздражаться нельзя, не та у него работа, чтобы раздражаться.

Пропить, что ли, валерианочки курсом? Или настойки пиона?

Нужно будет Нинку озадачить, пускай пошарит по медицинским сайтам, подберет что-нибудь из природных

средств, что-нибудь без химии, достала уже.

Помассировав пятерней затекший загривок, он вновь приник к экрану экзоприцела. Прибор был громоздок, из-за чего и неудобен, однако Анатолий смог к нему приноровиться, потому что оценил. Конечно, при работе с этой шнягой возникала одна специфическая трудность, но лишь одна, и это радовало. А сегодня прибор облажался, что было некстати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.